

I.

СЕТЬ ВЫСШИХ ШКОЛ И СТУДЕНЧЕСКИЕ КОНТИНГЕНТЫ

Развитие сети высших школ в СССР

После того, как коммунистическая власть превратила в государственную собственность все области хозяйства, все предприятия и учреждения грандиозного Русского государства, для руководства потребовалось огромное количество образованных кадров, специалистов всякого рода: администраторов и экономистов, плановиков и бухгалтеров, техников и инженеров, агрономов и животноводов, врачей и учителей, переводчиков и журналистов.

Поэтому на высшую школу советская власть должна была обратить внимание и начать подготовку этих кадров.

Центральное Статистическое Управление при Совете министров СССР подготовило и в 1956 году издало большой специальный статистический сборник на тему «Культурное строительство СССР», все 332 страницы которого заполнены статистическими таблицами.

Этот сборник дает таблицу ежегодных статистических данных о числе высших школ и количестве студентов от 1914 до 1955 года, за исключением некоторых периодов (отсутствуют данные за 1915-1921 и за 1941-1945 годы).

Приведем эту важнейшую таблицу целиком, с дополнениями за последние годы из статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1958 году».

**Общие данные
о высших учебных заведениях в Советском Союзе**

Учебные годы	Учебных заведений	В них студентов (в тысяч. человек)	В том числе студентов дневных отделений
1914/15 (в соврем. границах)	105	127,4	127,4
1914/15 (в границах до 17 сент)			
1939 г./	91	112,0	112,0
1922/23	248	216,7	216,7
1923/24	187	208,3	208,3
1924/25	169	169,5	169,5
1925/26	145	167,0	167,0
1926/27	148	168,0	168,0
1927/28	148	168,5	168,5
1928/29	152	176,6	176,6
1929/30	190	204,2	204,2
1930/31	579	287,9	287,9
1931/32	701	405,9	405,9
1932/33	832	504,4	504,4
1933/34	714	458,3	458,3
1934/35	688	527,3	527,3
1935/36	718	563,5	563,5
1936/37	700	542,0	542,0
1937/38	683	547,2	547,2
1938/39	708	602,9	602,9
1939/40	750	619,9	619,9
1940/41	817	811,7	585,0
1945/46	789	730,2	539,2
1946/47	805	871,7	649,5
1947/48	807	963,6	705,6
1948/49	823	1032,1	734,4

Учебные годы	Учебных заведений	В них студентов (в тысяч. человек)	В том числе студентов дневных отделений
1949/50	864	1132,1	778,2
1950/51	880	1247,4	845,1
1951/52	887	1356,1	918,2
1952/53	827	1441,5	971,5
1953/54	818	1562,0	1042,7
1954/55	798	1730,5	1146,5
1955/56	765	1867,0	1227,9 ¹⁾
1956/57	767	2001	1177
1957/58	763	2099	1193
1958/59	766	2179	1180 ²⁾

Проанализируем эту таблицу.

В 1914/1915 учебном году в России, «в современных границах», т. е. границах, совпадающих с современными границами СССР, было 105 высших учебных заведений; а в «границах до 17-го сентября 1939 г.» их было — 91 высшее учебное заведение³⁾.

«Современные границы» Советского Союза после 1939—1945 годов в основном совпадают с границами дореволюционной России: уменьшение территории прежней России в 1917—1920 годах (отделение Польши и Финляндии) впоследствии, в 1939—1945 годах, было компенсировано присоединением других территорий (Западной Украины, Буковины, Пруссии). По данным статистического справочника Советского Союза, территория России в 1913 году занимала 22,3 миллиона квадратных километров, а территория Совет-

1) Статистический сборник «Культурное строительство СССР», Госстатиздат, Москва, 1956 г., стр. 201-202.

2) Последние три строки этой таблицы взяты из статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 830.

3) Сборник «Культурное строительство СССР», стр. 201.

ского Союза в 1956 году, «СССР в современных границах», занимает 22,4 миллиона квадратных километров⁴). Следовательно, территория «СССР в современных границах» даже несколько расширена по сравнению с территорией России в 1913 году. И поэтому число школ и учащихся в «современных границах СССР» мы можем и должны сравнивать с числом школ и учащихся на всей территории дореволюционной России.

После революции 1917 года от России отделились Польша, Финляндия, прибалтийские государства (Латвия, Литва, Эстония).

Поэтому число высших школ в Советском Союзе после этого сократилось от 105 до 91, то есть, на 14 вузов⁵).

Статистических данных о вузах за 1918—1921 годы сборник не приводит. Вероятно, потому, что эти данные очень неблагоприятны для советской власти: в годы гражданской войны, разрухи и голода число работающих вузов было очень мало и число студентов в них тоже очень незначительно.

Но в период «новой экономической политики», в период восстановления хозяйства от разрухи, вызванной гражданской войной, советская власть приступила к восстановлению высшего образования, которое было так необходимо для подготовки специалистов.

В 1922—1923 учебном году в Советском Союзе работало 248 высших школ. Но в последующие годы число вузов было сокращено и до 1930 года держалось на этом сниженном уровне, который колебался в пределах от 145 до 190 высших школ. Таким образом, сеть вузов в Советском Союзе в период «новой экономической политики» превосходила по своим размерам вузовскую сеть в дореволюционной России (в границах до 17-го сентября 1939 г. — 91 высшее учебное заведение) в полтора-два раза.

⁴) Статистический сборник «Народное хозяйство СССР», Госстатиздат, 1956 г., стр. 20.

⁵) «Культурное строительство СССР», стр. 201.

Но по своим студенческим контингентам советские вузы за все годы советской власти, вплоть до 1946 года, были небольшими.

В каждом из них в среднем было от 600 до 1000 студентов, то есть, в полтора-два раза меньше, чем в высших учебных заведениях дореволюционной России, где в среднем в каждой высшей школе училось около 1200 студентов. Поэтому контингенты студентов в вузах Советского Союза в годы НЭПа — от 1922 до 1928 года — немного превышали уровень дореволюционной России.

В период индустриализации, коллективизации и проведения всеобщего семилетнего обучения, советскому государству потребовалось огромное количество новых специалистов, главным образом, инженеров, агрономов и педагогов. И тогда сеть вузов стала расширяться огромными темпами.

В 1929-30 учебном году было лишь 190 вузов.

А в 1930-31 учебном году число вузов поднялось от 190 до 579, т. е. выросло в три раза за один год.

В 1931-32 учебном году число высших школ возросло от 579 до 701.

И в 1932-33 году это число повысилось от 701 до 832 вузов.

Так за пятилетку индустриализации и коллективизации (1929-33) число вузов повысилось от 190 до 832, т. е. более чем в 4 раза.

В 1933-34 учебном году число вузов снизилось с 832 до 714 и пребывало приблизительно на этом уровне (от 683 до 714) вплоть до 1939 года.

Это сужение сети высших школ в 1933-39 годах (и сокращение в 1933-34 учебном году числа студентов с 504 тысяч до 458 тысяч) объясняется тем, что советское государство испытывало острый недостаток средств, необходимых для индустриализации, военной промышленности и механизации государственного сельского хозяйства.

Затем, в 1939-40 и в 1940-41 учебных годах число вузов опять возросло: в 1939-40 году от 708 до 750 вузов, а в 1940-41 учебном году — от 750 до 817.

Этот рост числа вузов — на 109 вузов за два года — произошел вследствие присоединения к Советскому Союзу за эти годы — 1939-41 — Западной Украины, Западной Белоруссии и прибалтийских государств (Латвии, Литвы и Эстонии), государств с густой сетью высших школ.

Никаких статистических сведений о работе вузов в годы Германно-Советской войны — за 1941-45 годы — в сборнике не приведено. По той же самой причине, из-за которой нет сведений и за 1918-21 годы: высшие школы были в полном развале, и советское правительство говорить об этом не желало.

Но после войны, в 1945-46 учебном году возобновили свою работу почти все вузы: 789 из 817 предвоенных.

За семь послевоенных лет число вузов медленно повышалось и в 1951-52 учебном году их уже было 887, то есть на 98 больше, чем в первом послевоенном году.

Начиная же с 1952-53 учебного года и вплоть до 1955-56 года число вузов опять неизменно понижается, с 887 уменьшилось до 765, то есть сократилось на 122 вуза, дойдя до уровня 1939 года.

В 1959 году в СССР было 766 вузов: 40 университетов и 726 институтов и академий.

Число студентов за годы — с 1952 до 1956 — не только не уменьшилось, а даже возросло — с 1441 тысяч до 1867 тысяч. Уменьшение числа вузов произошло за счет их слияния и укрупнения.

Усиленное укрупнение вузов происходило также и за счет увеличения числа студентов на заочных и вечерних отделениях. Число студентов этих отделений в вузах за десятилетие от 1946 до 1956 г. увеличилось от 290 тысяч до 640 тысяч, то есть более, чем вдвое.

За послевоенные годы — с 1946 до 1956 года — средний контингент студентов в каждом советском вузе повысился от 1000 до 2400 студентов, то есть 2,4 раза⁶⁾).

По сравнению со средним контингентом студентов в дореволюционном вузе этот средний контингент советского вуза повысился вдвое, от 1200 до 2400 студентов.

Кривая развития вузовской сети в Советском Союзе за 40 лет в графическом наглядном изображении выглядит, как кривая температуры лихорадочного больного. Строительство вузов происходило рывками, в виде крутых подъёмов и глубоких спусков.

Так как в вышеприведенной таблице статистического сборника «Культурное строительство СССР» число вузов в Советском Союзе за 1918—1921 годы не указано, то общие итоги и темпы роста вузовской сети в СССР можно установить только за годы от 1922 до 1958 года. За эти 36 лет число высших школ в Советском Союзе возросло от 248 до 766 вузов, то есть, на 518 высших школ, или в 3,1 раза. Чтобы оценить объективное значение этих темпов, необходимо сравнить их с темпами развития вузовской сети в дореволюционной России за соответствующий по времени период.

Сеть высших школ в дореволюционной России

После отмены крепостного права в 1861 году, для экономического, политического и культурного развития пореформенной России нужны были кадры интеллигенции: учителей — просветителей народа, врачей — оздоровителей, юристов — законников, инженеров — строителей промышленности, агрономов и землемеров — для урегулирования земельного вопроса и улучшения сельского хозяйства.

⁶⁾ «Культурное строительство СССР», стр. 201-202.

Царь-Освободитель со своими талантливыми сотрудниками задумал и начал проводить культурную реформу, как первую. Она была очень необходима, и, вместе с тем, наиболее ясна и бесспорна. Царь-реформатор усиленно расширял школьную сеть всех ступеней: начального, среднего и высшего образования.

В 1855 году, перед «Эпохой Великих Реформ», в России было только 6 высших школ: университетов и высших технических учебных заведений⁷⁾.

В 1899 году было уже 22 высших школы⁸⁾.

К 1914-15 учебному году число высших учебных заведений в пореформенной России возросло уже до 105 (в «современных границах», то есть, в границах, совпадающих с современными границами СССР⁹⁾).

Таким образом, с 1855 до 1914-15 года, за 60 лет, число высших учебных заведений в дореволюционной России возросло от 6 до 105, на 99 школ, или в 17 раз.

А за тридцатилетний период, необходимый нам для сопоставления, эта сеть высших школ в дореволюционной России выросла соответственно в 1,7 раза меньше, то есть, в 10 раз.

Сопоставив темпы расширения сети высших учебных заведений за 36 лет в дореволюционной России — рост в 10 раз — и темпы расширения этой же сети и за такой же период в Советском Союзе — в 3,1 раза, мы видим, что темпы роста вузовской сети в дореволюционной России были быстрее, чем темпы роста сети в СССР (в 3,1 раза), — быстрее в три раза.

Но в абсолютных показателях в дореволюционной России открывалось вузов меньше, чем в Советском Союзе. В дореволюционной России от 1855 до 1915 года число вузов возросло от 6 до 105, за 60 лет было открыто 99 новых школ, или почти ежегодно открывалось в среднем по две школы. А в Советском Союзе от 1917-го до 1958 года число вузов

⁷⁾ БСЭ, том «СССР», Москва, 1947 г., первое издание, стр. 1200.

⁸⁾ Там же, стр. 1203.

⁹⁾ Сборник «Культурное строительство СССР», стр. 201-202.

возросло от 105 до 765, то есть за 41 год число вузов увеличилось на 660 школ, или ежегодно в среднем открывалось по 16 вузов.

Но эта разница объясняется историческими условиями, прежде всего состоянием промышленности и уровнем образования населения. В дореволюционной России, по мере развития промышленности и повышения культурного уровня населения, ежегодно открывались вузы все в большем количестве. Это видно из вышеприведенных статистических данных.

От 1855 до 1899 года в России число высших школ возросло от 6 до 22, за 44 года на 16 школ. Следовательно, в этот период открывалось в среднем только по одной высшей школе за три года.

В следующий период, от 1899 до 1915 года, за 16 лет число высших школ увеличилось от 22 до 105, или на 83 школы. В этот период ежегодно открывалось в среднем по 5—6 высших учебных заведений.

А на ближайшие два-три десятилетия, от 1911 до 1941 года, премьер-министр Столыпин, великий реформатор той эпохи, намечал довести число высших школ в России до 500 — до 1000 школ, открывая ежегодно в среднем по 20 высших школ и больше.

Таким образом, согласно этого столыпинского плана, вузовская сеть в России за 40 лет, от 1917 до 1957 года, если бы не было Октябрьской революции, возросла бы больше, чем она возросла в Советском Союзе.

И это были реальные, а не декларативно-пропагандные планы. Это доказывают исторические факты. Столыпин реформировал сельское хозяйство России, превращая его в фермерское, культурное и производительное хозяйство. Под его руководством в России ежегодно открывалось по 10.000 новых начальных школ и начальное трех-четырёхлетнее обучение стало всеобщедоступным; стало распространяться в России массовое восьмилетнее образование (высшие начальные училища).

Студенческие контингенты в СССР

За первые годы Октябрьской революции и гражданской войны (в 1918—1921 годы) число студентов в вузах Советского Союза сильно сократилось. Немало студентов участвовало в гражданской войне. Большинство вузов вообще не работало. Но статистические сведения за этот период не опубликованы.

После окончания гражданской войны, в мирный период НЭПа, все прежние вузы возобновили свою работу, и открылось много новых школ.

В 1922 году в Советском Союзе было 248 высших учебных заведений. В них училось 216 700 студентов¹⁰). В каждом вузе обучалось в среднем около 900 студентов (881).

В 1940 году, перед второй мировой войной, в СССР было 817 высших школ и в них училось 811700 студентов¹¹). В каждой высшей школе в среднем было около 1000 студентов (994).

Следовательно, за предвоенные два десятилетия — от 1922 до 1940 года — средний контингент каждой высшей школы в СССР возрос незначительно: от 900 до 1000 студентов.

Этот средний контингент советских высших школ (до 1000 студентов) все довоенные годы оставался ниже уровня среднего контингента высших учебных заведений в дореволюционной России (1213 студентов).

Но за послевоенные годы средний контингент студентов в вузах возрос: за счет укрупнения вузов, за счет открытия и расширения заочных и вечерних отделений. Этот средний контингент повысился с 1000 студентов в довоенное время до 2758 студентов в 1958-59 учебном году (в 1958-59 учебном году в 766 советских высших школах училось уже 2179 тысяч студентов)¹²). В каждом вузе в СССР в 1958 году

¹⁰) Сборник «Культурное строительство СССР», стр. 201-202.

¹¹) Там же, стр. 201-202.

¹²) Статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 830.

училось в среднем 2758 студентов, то есть в 2 1/4 раза больше, чем в дореволюционном вузе (1213 студентов).

Этот рост среднего контингента студентов в советских вузах объясняется, главным образом, тем, что при советских вузах были организованы заочные и вечерние отделения. На этих отделениях в 1958 году училось около одного миллиона студентов-заочников и вечерников, то есть, около половины всех советских студентов¹³⁾.

В дореволюционных высших школах таких отделений не было.

В Советском Союзе заочные и вечерние отделения раньше учитывались по внешкольной курсовой системе обучения, а начиная с 1938 года они стали учитываться в системе школьного высшего образования.

Студенческие контингенты в советских высших школах возросли от 216,7 тысяч в 1922-23 учебном году¹⁴⁾ до 2179 тысяч в 1958-59 учебном году¹⁵⁾, почти на два миллиона студентов.

Число студентов в СССР за 36 лет возросло в 10 раз.

Рост студенческих контингентов в дореволюционной России

Сравним рост студенческих контингентов в Советском Союзе с ростом их в дореволюционной России.

Контингенты студентов в высших учебных заведениях дореволюционной России возросли быстрыми темпами.

В середине XIX века, в 1855 году, в высших учебных заведениях России обучалось 4 500 студентов^{15а)} в шести высших учебных заведениях.

¹³⁾ Там же, стр. 830.

¹⁴⁾ Статистический сборник «Культурное строительство СССР», стр. 201-202.

¹⁵⁾ Статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 830.

^{15а)} История СССР, том I, Институт истории Академии Наук СССР, Госполитиздат, Москва, 1956 года, стр. 794.

В 1899 году в России в 22 высших школах училось 22 523 студента¹⁰⁾.

А в 1914 году в высших школах училось уже 127 400 студентов¹⁷⁾.

Таким образом, от 1855 до 1914 года, за 59 лет, число студентов в вузах дореволюционной России увеличилось от 5,5 тысяч до 127,4 тысяч, то есть в 18 раз.

А за 36 лет (этот период потребуется нам для сравнения) контингент студентов высших школ в России возрос в 11 раз.

Этот рост контингентов происходил прежде всего из-за расширения сети высших школ, которая выросла от 6 школ в 1855 году до 105 школ в 1914-15 году, за 60 лет в 17 раз.

Выростал этот контингент студентов также и из-за роста количественного состава каждой высшей школы. Среднее число студентов в каждой высшей школе дореволюционной России тоже постепенно увеличивалось.

В 1855 году в 6 вузах России обучалось 4500 студентов. В каждой высшей школе в среднем тогда училось 750 студентов. А в 1914 году в 105 высших школах училось 127 400 студентов, или в среднем в каждом вузе 1213 человек. Среднее число студентов в каждом высшем учебном заведении за 60 лет повысилось от 750 до 1213 человек, в 1,6 раза. Как видно из этих чисел, укрупнение вузов в дореволюционной России происходило в значительной мере.

Кроме энергичных усилий царского правительства, в развитии высшего образования в дореволюционной России была проявлена огромная общественная инициатива. Из 105 высших учебных заведений, со 127 тысячами студентов, «... более половины... содержалось различными организациями и частными лицами»¹⁸⁾.

¹⁰⁾ а) БСЭ, том «СССР», первое издание, Москва, 1947 г., стр. 1203;

б) Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона, том 65, С.-Петербург, 1901 года, стр. 127-128.

¹⁷⁾ Сборник «Культурное строительство СССР», стр. 201.

¹⁸⁾ Большая Советская Энциклопедия, том «СССР», второе издание, Москва, 1957 года, стр. 400.

Высшее образование в СССР, в дореволюционной России и в Америке

Большая Советская Энциклопедия заявляет: «Таких темпов роста высшего образования, как в СССР, не было ни в одной из капиталистических стран мира. В 1938-39 учебном году в Великобритании, Германии, Франции, Италии и Японии, вместе взятых, было 420,7 тысяч студентов, что уже в те годы свидетельствовало о несоизмеримом превосходстве Советского Союза в развитии высшего образования»¹⁹⁾. (В Советском Союзе в 1938-39 учебном году было 602,9 тысячи студентов)²⁰⁾.

Вслед за Советской Энциклопедией эти заявления повторяются и во всех других советских книгах по народному образованию. Так, например, большая книга, специально посвященная описанию сорокалетних итогов развития народного образования в СССР, уверенно заявляет: «... СССР по количеству студентов занял... первое место в мире»²¹⁾.

Но приведенные выше статистические материалы о высшем образовании в дореволюционной России свидетельствуют о том, что темпы роста студенческих контингентов в Советском Союзе (за 36 лет в 10 раз) отстают от темпов роста контингентов в дореволюционной России (за 36 лет в 11 раз). А расширение сети высших школ в Советском Союзе в своих темпах отстает в три раза от темпов расширения этой сети в дореволюционной России.

Таким образом, темпы роста высшего образования в дореволюционной России (школьной сети и студенческих контингентов) превосходят темпы роста высшего образования в СССР.

Что касается развития высшего образования в других странах, то для сравнения можно взять Америку.

«Национальный научный фонд» Соединенных Штатов Америки в апреле 1960 г. сделал доклад Конгрессу о поста-

¹⁹⁾ Большая Советская Энциклопедия, том «СССР», второе издание, Москва, 1957 г., стр. 407.

²⁰⁾ Сборник «Культурное строительство СССР», стр. 201-202.

²¹⁾ Дейнеко — Сорок лет образования в СССР, стр. 259.

новке образования в Америке и в Советском Союзе. Содержание доклада было опубликовано в американских газетах. В этом докладе приведены сведения о сети высших учебных заведений в Америке и о студенческих контингентах. В Соединенных Штатах Северной Америки на 180 миллионов жителей в 1959 году было 2000 высших учебных заведений: университетов, колледжей и институтов. В них училось 3 402 000 студентов²²⁾. А в 1958 году в Советском Союзе на 209 миллионов жителей было только 766 высших школ и в них училось около 2,2 миллиона студентов²³⁾.

Следовательно, в Америке (если даже отвлечься от того факта, что у нее на 17% меньше населения, чем в СССР) в два с половиной раза больше высших школ и в полтора раза больше студентов, чем в Советском Союзе.

Для характеристики высшего образования важным являются сведения о том, какая часть молодежи обучается в высших школах. Немецкая печать опубликовала сведения статистических учреждений по этому вопросу.

Сектор студентов составляет такую долю (в процентах) среди всей молодежи в возрасте от 18 до 25 лет:

В Соединенных Штатах Северной Америки	25%.
В Советском Союзе	12%.
Во Франции	8%.
В Западной Германии	5%.
В Англии	4% ^{23а)} .

Так факты совершенно опровергают утверждения советской литературы о том, что Советский Союз будто бы и по абсолютным показателям и по темпам развития высшего образования «занял первое место в мире».

²²⁾ Газета «Новое Русское Слово» от 15 апреля 1960 года, Нью Йорк.

²³⁾ Ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 830.

^{23а)} «Рейнская газета» от 28-29 января 1961 года, Кобленц.

Эти утверждения являются пропагандой, тем искажением истины, которое рекомендовал Ленин своим сторонникам: «Надо уметь . . . пойти на всякие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды . . .» в интересах дела коммунизма²⁴).

²⁴) В. Ленин — Детская болезнь «левизны» в коммунизме, стр. 37.

II.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ

Выпуск специалистов из высших школ Советского Союза

В статистическом ежегоднике «Народное хозяйство СССР в 1958 году» приведена таблица о выпуске специалистов из высших учебных заведений Советского Союза за сорокалетний период — от 1918 до 1958 года. Ввиду ее большого значения для характеристики высшего образования, приведем ее целиком и проанализируем ее.

Выпуск специалистов из высших учебных заведений за 1918-58 годы (в тысячах человек)¹⁾

Годы	Всего	В среднем за год
1918—1928	340	30,9
1929—1932	170	42,5
1933—1937	370	74,0
1938—1940	328	109,3
1941—1945	302	60,4
1946—1950	652	130,4
1951—1955	1121	224
1956—1958	827	273
	4100	

¹⁾ Статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 837.

Эта таблица показывает, что в период Германно-Советской войны — с 1941 до 1945 года — ежегодный выпуск специалистов в СССР упал от 109 тысяч до 60 тысяч человек, то есть на половину по сравнению с предыдущим предвоенным периодом. В период войны очень большое количество специалистов в СССР погибло: были убиты на войне, погибли от голода и холода на родине, под оккупацией, в плену. Немало специалистов эмигрировало за границу.

Эти обстоятельства вынудили советское правительство в послевоенные годы форсировать прием студентов и выпуск специалистов.

Прием студентов в вузы Советского Союза²⁾ увеличился от 263 тысяч в 1940 году до 450 тысяч в 1958 году, то-есть, в 1,7 раза.

Контингент студентов в высших учебных заведениях СССР увеличился за те же годы от 812 тысяч в 1940 учебном году до 2 179 тысяч в 1958-59 учебном году³⁾, или в 2,7 раза.

Выпуск специалистов из всех вузов Советского Союза за этот же период увеличился от 126 тысяч в 1940 году до 291 тысячи в 1958 году⁴⁾ т. е. в 2, 3 раза.

Но, если взять средний ежегодный выпуск специалистов в СССР за весь сорокалетний период советской власти, от 1918 до 1958 года, то его нельзя назвать высоким. За сорокалетний период в СССР из вузов выпущено всего 4 100 тысяч специалистов⁵⁾.

Следовательно, все высшие учебные заведения СССР выпускали ежегодно в среднем около 100 тысяч специалистов,

²⁾ Ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр.836.

³⁾ Ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 830.

⁴⁾ Там же, стр. 837.

⁵⁾ Там же, стр. 837.

или каждый год они подготовляли в среднем только одного специалиста на 2000 жителей Советского Союза.

Средний уровень учебной успеваемости

Для характеристики качества высшего образования очень важное значение имеет эффективность учения в вузах: состояние учебной успеваемости, соотношение между числом поступающих и числом заканчивающих курс высшей школы.

Сборник «Культурное строительство СССР» прямого ответа на этот вопрос не дает. Но в нем есть одна таблица о приеме студентов и другая таблица о выпуске их за 1928—1955 годы⁶⁾.

На основании заключенных в них материалов я составил комбинированные таблицы о приеме и выпуске студентов за 1945-55 годы и вычислил проценты учебной успеваемости студентов. При этом я руководствовался следующими соображениями. В виду большого колебания в приеме студентов по годам, нельзя сравнить прием и выпуск студентов одного и того же приема. Советские вузы имеют различные сроки обучения: одни — четырехлетний, другие — пятилетний, третьи — шестилетний. Большинство вузов имеет пятилетний срок обучения. Поэтому нужно сравнивать прием студентов в одном году и выпуск студентов через пятилетний срок: при этих условиях мы будем сравнивать в основном один и тот же прием студентов, один и тот же контингент их.

Руководясь такими соображениями и пользуясь статистическими материалами сборника «Культурное строительство СССР», я составил следующую таблицу, которая прямо отвечает на вопрос об эффективности учебных занятий в советских вузах.

⁶⁾ Сборник «Культурное строительство СССР», стр. 203-204.

ТАБЛИЦА I

приема и выпуска студентов советских вузов — дневных, заочных и вечерних вместе — за 1945—1958 годы (в тысячах)⁷⁾.

Прием (в тысячах)		Выпуск (в тысячах)		Выпуск в процентах
Годы	Число	Годы	Число	% окончивших к числу принятых
1945/46	285,7	1950	176,9	62 ⁰ / ₀
1946/47	327,2	1951	201,4	62 ⁰ / ₀
1947/48	281,1	1952	219,2	78 ⁰ / ₀
1948/49	291,8	1953	220,2	75 ⁰ / ₀
1949/50	324,3	1954	234,8	72 ⁰ / ₀
1950/51	349,1	1955	245,8	70 ⁰ / ₀
1951/52	374,4	1956	259,9	69 ⁰ / ₀
1952/53	387,3	1957	266,5	69 ⁰ / ₀
1953/54	430,8	1958	290,7	67 ⁰ / ₀

Средний процент окончивших вузы по отношению к принятым 69⁰/₀.

Такая эффективность учебных занятий в советских вузах — две трети принятых студентов заканчивают вузы и одна треть их не заканчивает — является неудовлетворительной.

Каковы же причины такой низкой учебной успеваемости у студентов советских школ?

Перегрузка учебного плана политическими дисциплинами

Первая причина этой низкой успеваемости студентов заключается в том, что учебные планы вузов перегружены

⁷⁾ Таблица составлена на основании источников:

а) Статистического сборника «Культурное строительство СССР», стр. 203-204;

б) Статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 836-837.

лишними учебными предметами, никакого отношения не имеющими к специальности.

Например, в учебные планы всех советских вузов — геологических и музыкальных, врачебных и педагогических, ветеринарных и литературных — включен цикл партийно-политических, пропагандных дисциплин: диалектический и исторический материализм (философия марксизма), политическая экономия, история СССР, история КПСС.

Некоторые из этих учебных предметов могли бы быть расценены как общеобразовательные, если бы они носили научный, объективный характер. Например, введение в философию или история философии могли бы быть общеобразовательными дисциплинами. Но в советских вузах дается не история философии, не введение в философию, но узкое, односторонне-пропагандное изложение только одного течения философии — марксистского, которое излагается как философия всеохватывающая и единственно-правильная, единственно-научная. Все остальные течения и теории философии в советских вузах или игнорируют или критикуют, как «антинаучные», «антимарксистские», «политически вредные». Вместо науки дается примитивная пропаганда.

История Советского Союза, как учебный предмет, изучается учащимися в советских школах три раза: первый — в начальной школе; второй раз — в средней школе; третий раз — в высшей школе. По существу этот учебный предмет превращен в политграмоту, которая освещает события в дореволюционной России и в Советском Союзе под углом зрения очередных задач и установок коммунистической партии. Историк-марксист профессор М. Покровский определил сущность марксистской исторической науки так: «История это политика, обращенная в прошлое».

Студенты советских вузов в огромном большинстве всегда отрицательно относились к этим политическим учебным предметам, которые отнимают у студентов треть их рабочего времени, так необходимого им для изучения их специальности.

Но коммунистическая власть не желает считаться с желаниями студентов. Еще в 1934 году, на партийном съезде,

коммунистические вожди осуждали студентов за их отрицательное отношение к изучению партийно-политических дисциплин в вузе.

В «Уставе высшей школы» записаны обязанности студенчества: изучение «научного социализма» (марксизма) и «политическое воспитание».

На изучение пропагандно-политических предметов — марксистской философии, политической экономии, истории СССР и истории КПСС — в учебных планах всех советских вузов отведена 1/3 часть всех учебных часов.

Изучение этих политических предметов не только отнимает у студентов необходимое время, но и приносит им много неприятностей. Образованная и развитая молодежь вынуждена учить и заучивать как «науку» то, что меняется ежегодно, в зависимости от очередного зигзага партийной политики, то, что наукой не является.

Но этого мало. Студенты советских вузов должны не только знать досконально марксизм-ленинизм, официальное объяснение современной политики, — они должны марксизм-ленинизм и партийную политику воспринимать и излагать, как свою идеологию, свою веру. При несоблюдении этого обстоятельства студент, даже блестяще знающий марксизм, политические учебные предметы, — будет немедленно исключен из вуза.

Поэтому немудрено, что огромное большинство студентов и раньше отрицательно относилось к политическим дисциплинам и отрицательно относится теперь.

В одной статье, которая подытоживает огромный материал по вопросу о том, как жители Советского Союза относятся к коммунистической пропаганде, теперь, в постсталинский период, сказано: «... студенчество и молодежь отрицательно относятся к политическому обучению и изучению „основ марксистско-ленинской теории“»⁸⁾.

Поэтому главный политико-теоретический журнал коммунистической партии в Советском Союзе, журнал «Коммунист» вновь и вновь возвращается к этому вопросу:

⁸⁾ Газета «Русская мысль» от 2 февраля 1960 г., Париж.

«Среди некоторой части интеллигенции сложилось неправильное отношение к общественным наукам, — писал журнал в 1959 году. — Кое-кто рассуждает примерно так: мол, технические науки — дело важное. А общественные науки — что в них? Одни рассуждения, ничего конкретного»⁹⁾).

Но студенты не любят общественно-политические науки в вузах не потому, что в них «одни рассуждения». Студенты не любят марксистские общественные науки потому, что марксистские рассуждения противоречат фактам, следовательно, они ненаучны; потому, что «науки» эти превратились в софистику для оправдания очередного зигзага коммунистической политики; потому, что преподаются они в принудительном порядке; студенты не любят общественные науки потому, что эти бесполезные предметы отнимают у студентов много времени, которого им не хватает для изучения необходимых специальных дисциплин. Студенты советских вузов вынуждены затрачивать необходимое время на изучение ненужных и вредных предметов в ущерб своей специальной подготовке, на которую времени не хватает даже у студентов дневных отделений, не говоря уже о студентах вечерних и заочных отделений. На это трагическое положение постоянно жалуются студенты.

В этой затрате трети рабочего времени на партийно-пропагандные предметы и в недостатке времени для специальных дисциплин лежит первая причина низкой учебной успеваемости студентов в советских вузах.

Трудности заочно-вечернего образования

Вторая причина неуспеваемости студентов заключается в трудностях вечернего и заочного обучения, обучения «без отрыва от производства».

Для изучения этой причины я, на основании материалов того же сборника («Культурное строительство СССР»), составил таблицу приема и выпуска студентов, обучающихся на

⁹⁾ Журнал «Коммунист», № 4 за 1959 год, Москва.

вечерних и заочных отделениях вузов, и вычислил процент успеваемости их.

ТАБЛИЦА II

приема и выпуска студентов заочных и вечерних советских вузов за 1945—1958 годы (в тысячах)¹⁰⁾.

Прием (в тысячах)		Выпуск (в тысячах)		Выпуск в процентах
Годы	Число	Годы	Число	% окончивших к числу принятых
1945/46	109,2	1950	29,0	27 ⁰ / ₀
1946/47	121,2	1951	33,0	27 ⁰ / ₀
1947/48	86,9	1952	43,4	50 ⁰ / ₀
1948/49	98,2	1953	48,2	49 ⁰ / ₀
1949/50	114,1	1954	60,4	53 ⁰ / ₀
1950/51	111,6	1955	62,0	56 ⁰ / ₀
1951/52	118,9	1956	74,6	63 ⁰ / ₀
1952/53	126,5	1957	79,7	63 ⁰ / ₀
1953/54	149,1	1958	85,5	57 ⁰ / ₀

Средний процент студентов, учившихся на заочно-вечерних отделениях и окончивших вузы, по отношению к числу поступивших — 49⁰/₀.

Материалы этой таблицы говорят о том, что успеваемость студентов «вечерников» и «заочников» необычайно низка.

Из каждой сотни студентов, поступивших на вечерние и заочные отделения, только 49 студентов заканчивают учебу в срок и получают дипломы, а 51 студент учения не заканчивают. Эти студенты, не окончившие в срок вуза, продол-

¹⁰⁾ Таблица составлена на основании источников:

а) Статистического сборника «Культурное строительство СССР», стр. 203-204;

б) Статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 835-838.

жают учение сверх срока (удлиняют срок обучения вдвое) или совсем отсеиваются по неуспеваемости.

Итак, на заочных (и вечерних) отделениях только половина студентов в учении успевает, а другая половина их является неуспевающими. Это характеризует неблагополучие в заочно-вечернем секторе обучения и снижает общую успеваемость всех студентов вузов до 69%.

Чем же объясняется низкая успеваемость студентов заочных и вечерних отделений?

Она обуславливается теми тяжелыми материально-бытовыми условиями, в которых находятся студенты-заочники и студенты-вечерники. Эти студенты, в противоположность студентам дневных отделений, не получают никакой стипендии. Из-за этого они вынуждены совмещать учение со службой. Это совмещение создает большие препятствия для успешного учения студентов заочно-вечерних отделений, в особенности, если эти препятствия дополняются еще и другими бытовыми трудностями: семейной жизни, бедности, нужды, неблагоприятных жилищных условий.

Заочные и вечерние отделения в советских вузах имеют, конечно, и положительные стороны. Для самих студентов: заочное обучение позволяет получить высшее специальное образование взрослым людям, не имеющим возможности вовремя, в юношеские годы, получить его. Для советского государства: подготовка специалистов на заочных и вечерних отделениях, без стипендии, обходится государству неизмеримо дешевле, чем подготовка на дневных отделениях.

Но заочно-вечерняя подготовка имеет и большие отрицательные стороны: она удлиняет срок подготовки специалистов вдвое; ухудшает качество подготовки; наносит большой ущерб здоровью студентов-заочников, будущих специалистов.

Смягчению этих отрицательных сторон могла бы содействовать выдача стипендии студентам заочных и вечерних отделений: стипендия позволила бы этим студентам или совсем освободиться от службы, или, по крайней мере, уменьшить трудовую нагрузку, и иметь для учения больше времени и сил.

Чтобы лучше выяснить неблагоприятные условия заочного обучения, необходимо сравнить учебную успеваемость на заочных и на дневных отделениях.

Какова же успеваемость дневных отделений советских вузов?

Для выяснения этого вопроса я составил, на основании данных того же сборника («Культурное строительство СССР»), третью таблицу — учебной успеваемости студентов дневных отделений вузов за те же годы — от 1945 до 1958 года, с вычислением процентов.

Эта таблица показывает следующие результаты:

ТАБЛИЦА III

приема и выпуска студентов дневных отделений советских вузов за 1945—1958 годы (в тысячах)¹¹⁾.

Прием (в тысячах)		Выпуск (в тысячах)		Выпуск в процентах
Годы	Число	Годы	Число	% окончивших к числу принятых
1945/46	176,5	1950	147,9	84%
1946/47	206,0	1951	168,4	82%
1947/48	194,2	1952	175,8	91%
1948/49	193,6	1953	172,0	89%
1949/50	210,2	1954	174,4	83%
1950/51	237,5	1955	183,8	77%
1951/52	255,5	1956	185,3	73%
1952/53	260,8	1957	186,8	72%
1953/54	265,1	1958	205,2	75%

¹¹⁾ Эта таблица составлена на основании источников:

а) Статистического сборника «Культурное строительство СССР», стр. 203-204;

б) Статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 835-838.

Средний процент выпуска вузов по отношению к приему, или неуспеваемости — 19%.

Уровень успеваемости на дневных отделениях в вузах (81%) в 1,7 раза превышает уровень учебной успеваемости на заочных отделениях (49%).

Подготовка специалистов на заочных и вечерних отделениях удлинняет срок этой подготовки вдвое, от 5 до 10 лет.

Этот факт выдвигает проблему: какое обучение — на дневных отделениях или на заочных и вечерних — является более эффективным и благоприятным для самих студентов и для государства?

Советское правительство разрешает этот вопрос в пользу вечернего и заочного обучения, обучения «без отрыва от производства».

И поэтому сектор заочного и вечернего обучения в советских вузах за послевоенные годы сильно расширяется — и абсолютно и относительно.

Перевод большинства студентов на вечернее и заочное обучение

С 1945-46 до 1958-59 учебного года, за послевоенные годы, число студентов заочных и вечерних отделений в советских вузах возросло со 191 тысячи студентов до 999 тысяч¹²⁾, т. е. в 5,2 раза.

Рост контингента студентов вечернего и заочного обучения происходит гораздо быстрее, чем рост контингента студентов на дневных отделениях.

В 1945-46 учебном году из общего количества студентов — 730,2 тысячи — студентов заочных и вечерних отделений было 191 тысяча¹³⁾, т. е. 26% общего контингента. А студентов дневных отделений было 539,2 тысячи¹⁴⁾, т. е. 74% общего контингента студенчества.

¹³⁾ Сборник «Культурное строительство СССР», стр. 202.

¹²⁾ а) Сборник «Культурное строительство СССР», стр. 202;

б) Ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 830.

¹⁴⁾ Там же, стр. 202.

В 1958-59 учебном году всего студентов в вузах СССР было 2179 тысяч. Из них на дневных отделениях училось 1180 тысяч, т. е. 54% всего числа студентов. А на вечерних и заочных отделениях вместе училось 999 тысяч студентов (на заочных отделениях — 846 тысяч и на вечерних 153 тысячи), или 46% всего состава студенчества¹⁵).

Таким образом, с 1945-46 до 1958 учебного года сектор заочно-вечернего обучения увеличился от 26% до 46% общего контингента студенчества, т. е. почти в два раза. А сектор дневных отделений сократился от 74% до 54% общего контингента студентов, или уменьшился почти в полтора раза.

Особенно интенсивно сектор заочно-вечернего образования возростал за последние годы: с 1956 до 1958 года. За эти годы число студентов дневных отделений возросло от 1177 тысяч до 1180 тысяч, т. е. только на 3 тысячи. А число студентов заочно-вечерних отделений за эти годы возросло от 824 тысяч до 999 тысяч, или на 175 тысяч¹⁶).

Прием студентов в вузы в 1958 году распределялся по отделениям так: из общего количества принятых студентов — 453,3 тысяч человек — на дневные отделения принято 213,9 тысяч человек, а на вечерне-заочные — 239,4 тысяч, или на 25,5 тысяч больше, чем на дневные отделения¹⁷).

Так в Советском Союзе осуществляется реформа высшего образования, ранее принятая по инициативе Хрущева Центральным Комитетом Коммунистической партии и утвержденная советским правительством в 1958 году: реформа о переводе большинства студентов на вечернее и заочное обучение.

Родители учащихся и многие педагоги выдвигали против этой реформы ряд возражений: совмещение с работой переобременяет студентов и подрывает их здоровье; оно удли-

¹⁵) Статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 830.

¹⁶) Статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 830.

¹⁷) Там же, стр. 835.

няет срок обучения в высшей школе; прохождение обязательного двухлетнего производственного стажа после окончания средней школы и до поступления в высшую школу содействует тому, что учащиеся забывают общеобразовательные знания, приобретенные в средней школе, и хуже учатся в высшей школе.

Педагоги и родители вспоминали при этом, что сам инициатор этой реформы — Хрущев — личным примером доказал несостоятельность ее основного принципа: совмещения учения в вузе с работой. Будучи на партийной работе, он поступил на учение в Промышленную академию (вуз для подготовки директоров предприятий), но не смог закончить ее курса, хотя преподаватели ездили к нему на дом для его индивидуального обучения в любое время, удобное для него.

Но руководители партии и правительства на эти возражения не обратили внимания и закон о реформе высшего образования провели, мотивируя это принципом «связи школы с жизнью» и «коммунистического трудового воспитания студенчества».

Действительными же причинами для проведения этой реформы являются такие:

Во-первых, экономия денежных средств. Вечерне-заочное обучение, осуществляемое без стипендий студентам, обходится государству гораздо дешевле, чем обучение на дневных отделениях.

Во-вторых, принуждая студентов учиться без отрыва от производства, советское государство надеется ослабить недостаток рабочих рук на производстве: на фабриках и заводах.

В-третьих, руководители коммунистической партии таким путем надеются обуздать оппозиционные по отношению к советскому правительству слои студенчества.

На одном студенческом собрании руководитель коммунистической партии и советского правительства Хрущев, в ответ на критические высказывания студенчества по политическим и бытовым вопросам, заявил, что советское правительство снимет недовольных студентов с учения и отпра-

вит на производство, чтобы они испытали на заводе, что значит фабрично-заводская работа и положение рабочего. Тогда они, может быть, оценят свое положение студента и свое будущее положение специалиста и от антиправительственной критики, вероятно, откажутся.

Нужно упомянуть здесь о том, что аналогичную реформу обучения в вузах в начале 30-х годов (около 1930 года) уже проводил Сталин. Когда начала разворачиваться интенсивная индустриализация, рабочих сил не хватало, Сталин предложил реформу образования в высших школах: дополнительно к учебным занятиям в вузе, студенты должны были работать на фабриках и заводах 2-3 дня в неделю бесплатно. Автору настоящей брошюры пришлось присутствовать тогда на одном студенческом собрании в Московском Государственном Университете при обсуждении этого вопроса. В защиту этой реформы выступал секретарь ЦК комсомола Шохин, а против этой реформы резко выступали студенты и тогдашний нарком (министр) просвещения Луначарский. В ответ на заявление Шохина, что эта реформа принята в ЦК партии по предложению самого вождя партии тов. Сталина, Луначарский мужественно заявил: «Товарищ Сталин не является специалистом в этой области...» Луначарский был вскоре после этого снят со своего поста, реформа была проведена.

Но больше года она не продержалась. Совмещение учения в высшей школе и работы на производстве оказалось непосильным для студентов. Поднялся сплошной вопль недовольства: студентов, родителей, педагогов. Реформа была отменена, и студенты опять занялись только своим главным делом: учением.

Такая же судьба, по всей вероятности, ожидает и реформу Хрущева.

Ввиду того, что успеваемость студентов на заочно-вечерних отделениях очень низка (49⁰/₀ окончивших вуз по отношению к числу поступивших), возрастание удельного веса этого сектора вызывает неуклонное падение средней успеваемости всех студентов советских вузов:

в 1952 году	оканчивало	вуз	78 ⁰ / ₀	поступивших
в 1953 году	"	"	75 ⁰ / ₀	"
в 1954 году	"	"	72 ⁰ / ₀	"
в 1955 году	"	"	70 ⁰ / ₀	"
в 1958 году	"	"	67 ⁰ / ₀	" ¹⁸⁾

Средняя успеваемость студентов, в связи с увеличением сектора вечерне-заочных отделений, неуклонно ежегодно падает и стремится к тому роковому уровню, который является закономерным для заочно-вечернего обучения: до 49⁰/₀.

За последние годы перевод студентов на учение «без отрыва от производства», на вечернее и заочное обучение, осуществляется особенно энергично. В 1955-56 учебном году в СССР было всего студентов 1867 тысяч человек. Из них на дневных отделениях обучалось 1147 тысяч, 62⁰/₀ всех студентов, на вечерних и заочных отделениях училось 720 тысяч, 38⁰/₀ общего количества студентов. А в 1958-59 учебном году было всего 2179 тысяч студентов. Из них на дневных отделениях обучалось 1180 тысяч студентов, 54⁰/₀, а на вечерних и заочных отделениях училось 999 тысяч¹⁹⁾, или 46⁰/₀ всех студенческих контингентов.

Таким образом, за три года, от 1955-56 до 1958-59 учебного года, удельный вес сектора дневного обучения упал от 62⁰/₀ до 54⁰/₀ всего студенческого состава, а удельный вес сектора вечерне-заочного обучения повысился от 38⁰/₀ до 46⁰/₀, т. е. почти до половины всего студенческого контингента.

В 1959—1960 учебном году число «безотрывников», по всей вероятности, достигло уже половины всего студенческого состава. После этого студенты вечерних и заочных отделений будут составлять большинство студенческих контингентов.

¹⁸⁾ Вычислено по материалам:

а) Статистического сборника «Культурное строительство СССР», стр.203-204;

б) Ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 836-837.

¹⁹⁾ Ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 830.

А когда этот план перевода «большинства вузов» на вечернее и заочное обучение будет полностью осуществлен, тогда средний уровень учебной успеваемости студентов упадет еще ниже — от 69% до 49%, до современного уровня успеваемости заочников.

Большинство студентов советских вузов превратится в студентов неуспевающих. Заканчивать учение в вузах будет меньшинство из поступивших, а большинство будет отсеиваться.

О полном неблагополучии в заочных и вечерних отделениях вузов — о перегрузке студентов — «безотрывников», о неуспеваемости и отсеивании — теперь говорят студенты, вынуждена писать советская печать, обсуждают вопрос на комсомольских совещаниях.

Вот как описывала это дело газета «Комсомольская правда» в 1959 году:

«День первокурсника. Сейчас о нем говорят повсюду: в институте, в горкоме комсомола, дома у студента. Нет ли в новых учебных планах... перегрузки? Не слишком ли повышенные требования предъявлены сегодня вузовцу?» Занятия рабочих-студентов в вечернем институте происходят так:

«В аудиториях ребята, разморенные после восьми часов работы, то и дело клевали носом. Преподаватели показывали списки, и там против половины фамилий студентов стояло «нб» (неблагополучно). Мы видели, что им действительно очень трудно. Однажды я, — пишет секретарь вузовского комсомольского комитета, — пошел в общежитие узнать, почему товарищи не пришли на занятия. Смотрю, спят. Одного, другого за плечо — пробормотали что-то и снова голову в подушку... Студент вечернего вуза работает в первую смену (на производстве) с 7 часов утра до 4 часов дня; четыре раза в неделю занятия (в вечернем вузе) с 7 часов вечера до 11 часов ночи. Нужно еще время на переезды, на обед. Заниматься приходится ночью»²⁰).

²⁰) Газета «Комсомольская правда» от 3 ноября 1959 года, Москва.

При такой системе высшего образования в Советском Союзе основная масса студентов вынуждена совмещать работу с учебой и напряженно работать с раннего утра до поздней ночи. Студентам - вечерникам и заочникам не хватает сил на такую напряженную работу, не хватает времени ни на учебу, ни на сон. При этих условиях учебная успеваемость «студентов-безотрывников» падает, отсеб увеличивается и здоровью молодых специалистов угрожает серьезная опасность.

Таковы неизбежные результаты той неразумной хрущевской «реформы» высшего образования, которая переводит большинство студентов на вечернее и заочное обучение, без отрыва от производства.

В результате этой реформы, которая вынудила большинство студентов заниматься «без отрыва от производства» на вечерних и заочных отделениях, — для студентов советской высшей школы создано чрезвычайно тяжелое положение. Студенты должны теперь трудиться — работать на производстве и учиться в вузе и на дому — в общей сложности более 16 часов в сутки. Студенты заданы этим непосильным бременем.

При этих условиях их чрезвычайно раздражает то обстоятельство, что они должны ежедневно затрачивать два-три часа времени на изучение излишних учебных предметов, — политических дисциплин, или коммунистической политграмоты, которую они изучали уже раньше, целых 10 лет, в начальной и средней школе, начиная с букваря: и в книгах для чтения, и на уроках конституции, и в учебниках экономической географии и истории СССР. Из-за этих обстоятельств неприязнь к политграмоте у студентов советских вузов дошла до ненависти, и борьба студенчества за исключение политических дисциплин из учебного плана высших школ приобрела острый, напряженный характер и распространяется широко по всему Советскому Союзу²¹).

²¹) Газета «Русское Воскресение» от 27 февраля 1960 г., Париж.

Производственная практика студентов в советских вузах

Кроме слабой успеваемости студентов в теоретических занятиях, другим признаком неблагополучия в постановке высшего образования в Советском Союзе является плохая производственная практика. Хорошим специалистом может стать только такой студент, который основательно изучил и теорию и практику по своей специальности.

Как же поставлена производственная практика в советских вузах?

Производственная практика занимает много часов в учебных планах советских вузов. Большая Советская Энциклопедия об этом сообщает: «В учебных планах большое место отводится производственной практике: в высших технических учебных заведениях она занимает от 16 до 38 недель, в сельскохозяйственных — 40-52 недели, педагогических — 12 недель, в медицинских — 16 недель и т. д.»²²⁾. Энциклопедия сообщает также, что производственную практику студенты проводят на передовых предприятиях и учреждениях: «Студенты технических высших учебных заведений проводят производственную практику на передовых промышленных предприятиях, сельскохозяйственных — в совхозах и колхозах, педагогических — в школах и т. д.»²³⁾.

Но в действительности производственная практика студентов организована плохо.

В статье Хрущева о высшей школе производственная практика в советских вузах охарактеризована так: «... Теперь в наших вузах имеется производственная практика... Но поставлена она очень плохо... Теперь студенты на практике больше слоняются по заводу: один работает, а 10-15 на него смотрят, а сами боятся к станку подойти. Да и администрация предприятий мало доверяет практикантам, так как студенты не имеют квалификации, и если им дать рабочий станок, получается потеря производственных мощ-

²²⁾ Большая Советская Энциклопедия, издание второе, том «СССР», стр. 408.

²³⁾ Там же, стр. 408.

ностей, производственных возможностей. Предприятия тягнутся такими практикантами»²⁵).

Из этих примеров видно, что производственная практика студентов технических вузов в Советском Союзе поставлена плохо.

Но виноваты в этом не вузовские преподаватели, а советское правительство и его местные органы: администрация фабрик и заводов. Как видно из статьи Хрущева, и правительство и администрация заводов не понимают задач производственной практики. Они не понимают того, что студентам технических вузов, будущим инженерам, во время производственной практики необходимо познакомиться с заводом, с машинами, с организацией производства, поучиться работать в качестве рабочего, мастера, инженера на заводе. А советское правительство и администрация советских заводов хотели бы, чтобы студенты приходили на завод уже с производственной квалификацией и помогли бы заводской администрации перевыполнить их производственные планы. Но если бы студенты уже раньше, до производственной практики, имели квалификацию рабочего, мастера, инженера, тогда им вообще была бы не нужна практика.

Производственная практика будущих агрономов, как видно из той же статьи Хрущева, тоже поставлена плохо. Студенты главной в Советском Союзе высшей школы по сельскому хозяйству — Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева — проходят производственную практику так: они «учатся не на полях, а преимущественно на грядках» и «корову и других животных изучают главным образом по макетам»²⁶).

Колхозы, колхозные поля и колхозные животноводческие фермы расположены по соседству с Москвой, в нескольких километрах от академии. Но преподаватели предпочитают изучать со студентами полеводство на грядках в академии, а животноводство на макетах, но не в колхозах. Они хорошо знают, что в колхозах и полеводство и животновод-

²⁵) Газета «Известия» от 21 сентября 1958 г., Москва.

²⁶) Там же.

ство поставлены так плохо, что производственная практика в колхозах ничего поучительного, положительного студентам дать не может. Колхозная практика может только разочаровать студентов сельскохозяйственной академии в их будущей специальности и подтолкнуть их к переходу в другую высшую школу, для получения другой специальности.

Бывший инженер МТС так описывает «педагогическую практику» студентов Брестского педагогического института (в Западной Белоруссии). Студенты проходят эту «учительскую практику» на колхозных полях: «Вот картина рабочего дня в колхозе имени Сталина. Уборка картофеля в полном разгаре... В колхозном стане поднимаются со своих нар студенты Брестского пединститута, которых пригнали сюда на «практику» копать картофель. Их 50 человек, с двумя преподавателями во главе, пожилыми людьми. Один из них профессор математики, другой — доктор биологических наук. Они бригадиры своих бригад. Каждая бригада имеет определенный план, сколько они должны собрать картофеля за день, и они не имеют права сходить с поля, пока не выполнят нормы»²⁷).

Такова практика советских студентов: инженеров, агрономов, педагогов.

Подготовке специалистов такая «производственная практика» не помогает и помогать не может.

Идейно-политическая подготовка студенчества

В вузах дореволюционной России студентам давали солидную научно-профессиональную подготовку, как будущим специалистам. Но советская власть в СССР ставит перед высшей школой, кроме профессиональной подготовки, еще и другую цель: идейно-политическую подготовку, коммунистическое воспитание студенчества. Эту цель вузовский «устав» формулирует как подготовку кадров «вооруженных знаниями научного социализма, готовых защищать свою родину и беззаветно преданных делу построения коммунистического общества».

²⁷) Газета «Русская мысль» от 21 июня 1960 года, Париж.

Идейно-политическую подготовку вожди коммунизма ставят на первое место, а профессиональную отодвигают на второй план. Киров на партсъезде в 1934 году заявил об этом так: когда некоторые студенты технических вузов говорят, что они должны прежде всего и наиболее основательно изучать свою специальность — науку о сопротивлении материалов, то мы должны им напомнить, что для всех советских специалистов мы ставим на первое место задачу: доскональное изучение марксизма, этой науки о сопротивлении классового врага, науки всех наук.

Как же осуществляется в советских вузах эта первоочередная задача? Марксизм изучается на лекциях и семинарах по общественно-политическим дисциплинам.

Идейно-политическая подготовка студентов происходит там же на лекциях по всем остальным наукам. Правительство СССР ото всех преподавателей требует увязки их преподавания с социалистическим строительством и насыщения лекций политическим материалом.

Коммунистическим воспитанием студенчества повседневно занимаются партийные, комсомольские и общественные организации.

Как воспитание осуществляется на практике — это может проиллюстрировать дневник одного комсомольца студента Московского Университета. Отрывки этого дневника были опубликованы на английском языке в книге И. Новака — «Будущее наше, товарищи!», изданной в Нью Йорке в 1960 году, и на русском языке — в журнале «Свобода» (Мюнхен).

Приведем некоторые отрывки:

«Каждую неделю два или три собрания: нашей студенческой группы, комсомольской группы, проверочной группы, общества китайско-советской дружбы. Время от времени происходят особые собрания, как, например, собрания для обзора текущих событий во внешней и внутренней политике, дискуссионные собрания; кроме того, групповые посещения театров, кино и т. д.»

На комсомольских и студенческих собраниях ставятся вопросы и о политических ошибках беспартийных профессо-

ров, и об учебных обязательствах и о личных делах студентов.

Вот как описывает в своем дневнике студент это собрание.

«На собрании комсомола я, наравне с другими, взял на себя обязательство добиться наилучших отметок на экзамене. Группа из трех студентов будет контролировать всю нашу жизнь. Они будут проверять нашу степень готовности, список читаемых нами книг, наши заметки на лекциях, наши успехи на семинарах и в дискуссиях».

На собраниях от каждого студента требуют «партийного духа» и политического «энтузиазма».

«Мой доклад о текущих международных событиях был подвергнут классом очень суровой критике... Некоторые критиковали очень резко. Один из товарищей, например, сказал, что «от студента философии, которая, в конце концов, является наукой о партии, и от комсомольца можно было ожидать не только оценки событий с партийной точки зрения, не только марксистско-ленинского анализа, но и партийного духа «энтузиазма...»

На собраниях ставятся для обсуждения и осуждения даже вопросы о личной, интимной жизни студентов. Одно из описанных в дневнике собраний было посвящено вопросу о том, что студент порвал свои сердечные отношения с одной девушкой и сошелся с другой. Этот вопрос обсуждался в двух комсомольских комитетах, а потом на комсомольском и студенческом собрании с 4 часов дня до часу ночи...

Секретарь комсомольской группы, девушка-студентка, ставя этот вопрос на обсуждение собрания, произнесла интересную речь на тему об обществе и человеке при социалистическом строе:

«Товарищ Михаил заявил, что он имеет право устраивать свою личную жизнь, как ему нравится. Это неправда, товарищи, это совершенно неправильно, Ваша частная жизнь протекает не на уединенном острове, не в буржуазном, капиталистическом мире. Ваша частная жизнь протекает в социалистическом обществе и благодаря этому обществу. Вот по-

чему ваша частная жизнь подчиняется жизни этого общества, так же, как ваша личность подчинена нашим студенческим и комсомольским организациям».

Об этом повседневном и вездесущем контроле коммунистических организаций дневник студента рассказывает: «На собраниях мы принимаем участие в обсуждении личных дел каждого из нас. Если мы уже сейчас так хорошо знаем друг друга, то как же мы будем знать через четыре года! Теперь я понимаю групповой принцип, который не понимал раньше. Только в группе люди могут так досконально узнать друг друга».

К каким же результатам приводит такое идейно-политическое коммунистическое воспитание? Воспитывает ли оно студентов в коммунистическом духе?

Сами руководители Советского Союза говорили о том, что идейно-политическая подготовка студентов дает слабые результаты.

Об этих слабых результатах коммунистического воспитания говорят также такие факты:

Студенческая молодежь, в том числе и комсомольская, в партию не идет, в партийную вузовскую организацию не вступает. Оппозиционные настроения среди студенческой молодежи распространены очень широко.

Преподаватели общественно-политических учебных предметов и партийно-комсомольские организации в вузах бессильны в идейной борьбе с этими настроениями.

Поэтому вузовская администрация и партийно-комсомольские организации так часто прибегают к массовым репрессиям. Студентов критически мыслящих, с оппозиционными настроениями они снимают со стипендий и исключают из вузов.

Причем, часть студентов исключают даже не за оппозиционную деятельность, не за антикоммунистические речи или листовки, а только за то, что студент осмелится задать преподавателю-коммунисту острый, неприятный для него политический вопрос, на который тому трудно ответить.

Слабые успехи коммунистического воспитания студентов в советских вузах, на наш взгляд зависят от таких причин:

Во-первых, марксизм пророчил, что смена капиталистического строя социалистическим приведет к благополучию и свободе. Но сорокалетний эксперимент в Советском Союзе, а также и в других странах, показал, что социалистический строй несет нищету и крепостное рабство. Поэтому студенты не могут считать обанкротившийся марксизм наукой, и посещают лекции преподавателей марксизма только в принудительном порядке.

Во вторых, поскольку социалистически-коммунистическое строительство привело к нищете и рабству, студенты не могут воодушевляться идеалом «коммунистического рая», вдохновляться тем «духом», который рекомендует им большевистское правительство: «духом беззаветной преданности делу построения коммунизма».

В-третьих, коммунистическое воспитание — с его плоским материализмом казарменным конекревизмом и всеобщим фарисейством — противоречит человеческой природе, запросам сложной и свободной человеческой личности, противоречит основам обще человеческого воспитания.

В силу всех этих причин, несмотря на большую настойчивость коммунистических руководителей, широчайшую сеть надзора и контроля и огромное политически-экономическое давление на студенчество, — успехи политического коммунистического воспитания в советских вузах слабые.

III.

ПАРТИЙНАЯ МОНОПОЛИЯ НАУЧНО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКУЮ РАБОТУ В ВУЗАХ

Коммунистическая партия о задачах школы

Вожди коммунизма поставили своей целью: построить новый общественно-политический строй — коммунизм — и воспитать людей, способных закончить его построение.

Все учреждения должны быть использованы для этой цели. В первом ряду этих учреждений — школа всех ступеней: низшая, средняя и высшая. Программа ВКП(б), принятая на 8-ом съезде ВКП(б) в 1919 году, в разделе о народном образовании (этот раздел выработан главным теоретиком коммунистической педагогики Н. К. Крупской) характеризует роль школы, как «орудие коммунистического перерождения общества», как учреждение для воспитания «поколения, способного окончательно установить коммунизм»¹⁾.

В первую очередь такие задачи ставятся перед советской высшей школой. В ней должны быть подготовлены кадры интеллигентов-специалистов, которые должны строить, согласно планам большевистской партии, коммунистическую экономику, коммунистический общественно-политический строй, социалистическую культуру, воспитывать «нового советского человека».

В «Уставе высшего учебного заведения», утвержденном Совнаркомом СССР 5 сентября 1938 года, цели и задачи высших школ СССР определены так:

¹⁾ «Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании», выпуск I, Москва, 1947, г. стр. 7.

«... Высшие учебные заведения... имеют своей целью подготовку кадров, способных овладеть передовой наукой и техникой, вооруженных знаниями научного социализма, готовых защищать свою родину и беззаветно преданных делу построения коммунистического общества».

Политические задачи вузов в «Уставе» уточнены. Перед высшей школой ставится прежде всего задача политического воспитания преподавателей и студентов:

«§ 2. Идеино-политическое воспитание студентов и преподавателей».

Вузовские же преподаватели должны обслуживать своей научно-исследовательской работой нужды социалистического строительства:

«§ 4. Проведение научно-исследовательской работы, способствующей разрешению важнейших задач социалистического строительства».

Монополия коммунистической идеологии и политики

Коммунистическая власть с первых лет Октябрьской революции 1917 года начала проводить и до сих пор проводит коммунистическое воспитание преподавателей и студентов, контроль над их работой и постоянное политическое руководство ими.

Эта «большевизация» проводилась и до сих пор ведется прежде всего в отношении научных работников и преподавательского персонала вузов.

К ним предъявляется требование: досконально изучить марксизм; выучить высказывания «классиков марксизма» — Маркса, Энгельса, Ленина (а недавно и Сталина) — в специальной для каждого преподавателя области; на основе марксистской философии и конкретных высказываний классиков марксизма в той или другой области науки, — проводить свою работу, научно-исследовательскую и преподавательскую.

Причем, марксизм преподносится научным работникам не как рекомендуемая философия, а как непогрешимый катехизис, как религия, как обязательное мировоззрение и

обязательная методология научной и педагогической работы. Большая Советская Энциклопедия говорит об этом с полной откровенностью: «*Вся система обучения и преподавания в советских высших учебных заведениях основывается на подлинно научном, диалектико-материалистическом мировоззрении*»²).

Коммунистическая власть требует от научных работников в обязательном порядке «диалектико-материалистического мировоззрения», точнее говоря, марксизма-ленинизма. В частности, от них власть требует атеизма. И не только признания атеизма, но и активной проповеди его, активной критики религиозной идеологии. Власть возлагает на вузовских преподавателей «ответственность за атеистическое воспитание» студенчества.

Официальный орган министерства просвещения, «Вестник высшей школы», в специальной статье «*Воспитывать студентов воинствующими атеистами*» дает вузовским преподавателям такую директиву: «*Во всех вузовских курсах можно (и нужно) давать глубокую научную критику религиозной идеологии. Важно, чтобы все преподаватели постоянно чувствовали свою ответственность за атеистическое воспитание студенческой молодежи — тогда их лекции будут действительно боевыми и воинствующе материалистическими*». («Вестник высшей школы», № 11 за 1960 год, стр. 55. Курсив мой. Т. Ч.).

Как видно из этой директивы, право свободы совести педагогам в СССР не предоставлено. Если их мировоззрение не «диалектико-материалистическое», не атеистическое, то перед ними встает грозная перспектива: или лишение работы или маскировка перед недреманым оком коммунистической инквизиции.

Тем преподавателям вузов и научным работникам, которые вступают в противоречие с какой-либо догмой марксизма, грозят самые строгие кары.

²) Большая Советская Энциклопедия, издание второе, Москва, 1957 года, том «СССР», стр. 408.

Всякое противоречие с марксистскими принципами или даже игнорирование их со стороны вузовского преподавателя вызывает не только «коммунистическую анафему», но и реальное наказание: увольнение, голод или ссылку на советскую каторгу.

Поэтому, например, литературоведы в советских вузах, читая лекции о Л. Н. Толстом, обязаны повторять ленинские высказывания о Толстом: что он, с одной стороны, был будто бы «зеркалом русской революции» и прогрессивным «срывателем масок» с руководителей царского строя; но с другой стороны, проповедуя христианство, всечеловеческий гуманизм, он был якобы реакционером, «помещиком, юродствующим во Христе», «истасканным, истеричным хлюпиком», и эта часть его творчества преподавателями должна быть осуждена как «политически вредная»³⁾.

В Советском Союзе историко-педагогическая литература и преподаватели вузов третируют всемирноизвестных педагогов: Песталоцци, Фребеля, Монтессори и других. Великого педагога-гуманиста Песталоцци вузовские учебники истории педагогики квалифицируют, как «националиста»⁴⁾. Теории всемирноизвестных теоретиков и практиков дошкольного воспитания Фребеля и Монтессори иначе не называют, как с осуждением и пренебрежением: «... буржуазные теории дошкольного воспитания — монтессорианство и фребелизм...»⁵⁾.

Зато всячески прославляют и провозглашают основоположниками «новой педагогики» палача народа Ф. Э. Дзержинского и погромщика культуры А. А. Жданова, за то, что они «... развивали марксистско-ленинское положение о культурной революции и коммунистическом воспитании подрастающего поколения»⁶⁾.

³⁾ «Ленин о народном образовании», издание Академии педагогических наук, Москва 1957 года, стр. 74-78.

⁴⁾ Медынский — История педагогики, глава о Песталоцци.

⁵⁾ Дейнеко — 40 лет народного образования в СССР, стр. 73.

⁶⁾ Там же, стр. 59-60.

Коммунистическая власть отправила всемирноизвестного генетика академика Вавилова в ссылку за его якобы «буржуазные генетические теории». Ученый археолог профессор Миллер попал в ссылку за то, что он в своей области не признавал научного авторитета классиков марксизма, заявляя: «Такие „археологи“ (Маркс, Ленин, Сталин) мне не известны . . .»

В Советском Союзе одна научная область — наука о детях (педология) — была целиком ликвидирована потому, что она, по мнению Центрального Комитета коммунистической партии, «базируется на ложно научных, *антимарксистских положениях*»⁷⁾).

Для научных работников недостаточно только изучить досконально марксизм и не возражать против него. Они должны приспособлять к нему свою научно-исследовательскую и преподавательскую работу. Научные работники и преподаватели вузов в СССР должны внимательно, ежедневно следить за очередными приказами ЦК коммунистической партии, чтобы «увязывать» свое преподавание с очередным изгибом генеральной линии.

А эти зигзаги генеральной линии постоянно происходят не только в общественно-политической жизни, но и в идеологии, в науке, в частности, в оценке различных теорий во всех областях науки.

В первые годы революции, по приказу Ленина, книги М. Покровского по русской истории расхваливали, как образцово-марксистские, их изучали, как учебники, в высших и средних школах. А потом, через несколько лет, по приказу Сталина, эти книги были квалифицированы, как «антимарксистские и ненаучные» и исключены из списка учебников и даже из библиотек.

По отношению к одним и тем же беспартийным ученым и к одним и тем же их теориям коммунистические руководители в разное время относились различно: в один период

⁷⁾ «Вестник» Института по изучению СССР, № 3 за 1959 г., Мюнхен, стр. 91.

они хвалили этих ученых и их теории, а в другое время резко осуждали их. Так было дело с языковедом Марром, генетиком Лысенко, педагогом Блонским, исследователем русского языка Виноградовым и многими другими. Таковы зигзаги партийного руководства в области теории.

Но от научных работников коммунистическая власть требует также приспособления к «генеральной линии партии», т. е. к зигзагам партийно-практическим. От научных работников и вузовских преподавателей партия постоянно требует: всегда приспособлять свою научно-преподавательскую работу к текущим задачам партии, постоянно согласовывать эту работу с очередными задачами «социалистического строительства».

А если какие-либо добытые наукой факты или научные теории противоречат очередным приказам или мероприятиям коммунистической власти, тогда коммунистическая власть требует от научных работников беспрекословного подчинения принципу «партийности философии и науки». Ленин обосновывал этот принцип во многих своих произведениях, начиная с философских.

При таких условиях научные работники, вузовские преподаватели не могут творчески развивать свою науку, не могут свободно учить: над ними постоянно висит Дамоклов меч «марксистского катехизиса», очередного приказа коммунистической партии, принцип «искажения истины», карающий меч большевистской инквизиции.

Трудно работать в советских вузах научным работникам, преподавателям и приспособлять научную объективную истину — к марксистскому катехизису, общечеловеческую мораль и культуру — к зигзагообразной линии коммунистической политики.

Чистка вузов от беспартийных преподавателей

В особенности тяжелы эти условия для научных работников беспартийных, которые уже фактом своей беспартийности вызывают подозрение у коммунистических руководителей.

Коммунистическая партия, не доверяя беспартийному преподавательскому персоналу вузов, за первые три десятилетия своей власти от 1917-го до 1947-го года заменила половину всех преподавателей партийными.

А за послевоенные годы — от 1947 до 1955 г. — коммунистическая власть закончила полностью «большевизацию», или «коммунизацию» преподавательского персонала вузов и научных учреждений.

Советский статистический сборник, посвященный вопросам культуры в СССР, свидетельствует об этом.

В 1947 году среди научных работников и преподавателей вузов было 54% коммунистов — членов и кандидатов КПСС.

В 1950 году было 65% коммунистов.

А в 1955 году число коммунистов среди научных работников и преподавателей вузов дошло уже до 97%⁸⁾.

Значит, беспартийных научных работников и вузовских преподавателей осталось в советских вузах в 1955 году только 3%.

Так за послевоенные годы — с 1947 до 1955 г. — произошло сокращение беспартийных научных работников с 46% до 3%, т. е. в 15 раз.

По данным советской статистики, в Советском Союзе в 1955 году было 224 тысячи научных работников и преподавателей вузов⁹⁾.

Из них было около 103 тысяч беспартийных и около 121 тысячи коммунистов.

Это значит, что, сократив процент беспартийных научных работников с 46% до 3%, коммунистическая власть уменьшила их число с 103 тысяч до 7 тысяч. Советская власть «вычистила» из советских вузов за последние 8 лет 96 тысяч беспартийных научных работников.

Куда же делись эти 96 тысяч беспартийных научных работников?

⁸⁾ Сборник «Культурное строительство СССР», стр. 248.

⁹⁾ Там же, стр. 248.

Некоторые из них перед чисткой вступали в партию. Но таких было очень мало.

Очень многие из научных работников в результате этой послевоенной «чистки» попали в ссылку и в лагеря. Воспоминания о жизни в послевоенных лагерях часто среди лагерников называют научных работников и вузовских преподавателей. Герой повести Дудинцева «Не хлебом единым», изобретатель Лопаткин, отбывал заключение в лагере.

В советской литературе часто встречаются упоминания о том, что преподавателей и научных работников коммунистическая власть преследовала не только за участие в работе местных органов самоуправления в годы немецкой оккупации (это расценивалось как «сотрудничество с врагом», «измена»), но даже за самый факт пребывания в оккупированных областях, за то, что они не пошли в отряды коммунистических партизан.

Многие беспартийные преподаватели были уволены с работы только за критические высказывания о коммунистической власти или — по клеветническим доносам.

Беспартийных ученых травили и «прорабатывали перед чисткой» за «идеологические уклоны».

Атмосфера политической травли беспартийных ученых; подготовка к политической чистке в вузах и научных учреждениях, хорошо описана в опубликованном дневнике студента Московского Университета:

«Суббота. Видно, идеологическая температура на нашем факультете непрерывно повышается, хотя на дворе мороз. Вчера на диалектическом семинаре три студента выступили против профессора С., ведущего семинар, потому что, как они заявили, он допустил «переоценку научных вкладов, сделанных учеными других европейских стран, умолчав о русских ученых и придав слишком большое значение различным западно-европейским псевдонаучным теориям.»

Профессор был очень расстроган. В конце концов, ему за пятьдесят. Но он обещал пересмотреть свой курс и обсудить его с коллегами, чтобы убедиться, действительно ли его лекции расходятся с министерской программой.

Мы проработали это дело на студенческом собрании, но мнения разделились. Некоторые считали, что профессор, будучи беспартийным, действительно потерял чувство меры по отношению к буржуазным странам. Другие говорили, что это неверно. Вся вина профессора в том, что он слишком объективно отнесся к взглядам буржуазных ученых, не дал им надлежащей оценки. Дело будет разбираться на следующем семинаре . . .

Идеологически становится все туже^{9а)}.

Методы проведения политической чистки среди беспартийных научных работников и расправы с ними хорошо описаны в повести Дудинцева «Не хлебом единым», в романе Каверина «Поиски и надежды» и во многих других произведениях.

В романе Каверина это изображено так:

— Вчера посадили Верховцева.

— Не может быть! За что?

Верховцев был не просто скромный и честный человек, а скромнейший и честнейший человек, проработавший в институте профилактики чуть не четверть века.

— В институте это, кажется, уже десятый случай . . . Хотите, я Вам скажу, кто их сажает? Сам директор.

— Зачем?

— Очевидно для престижа.

— Вы думаете?

— А почему бы и нет? Чего только не сделает подлец, чтобы оправдать свое существование.

И такому человеку верят?

Все замолчали».

Эти политические доносы директора института писатель охарактеризовал саркастически: «Не личная, нет, государственная заинтересованность была видна в каждой строчке, на каждой странице . . . Объявленная ложь, хладнокровное, обдуманное убийство, разбитое на главы и подтвержденное множеством ссылок на авторитеты. Здесь было все — и рас-

^{9а)} Журнал «Свобода», № 3 за 1961 год, стр. 24, Мюнхен.

чет на невежество, и мнимая правдивость подробностей, и страшная логика кривды . . .»

Узкие эгоистические интересы, зависть и личная вражда партийных невежд, «Никудыкиных», к талантливым ученым и педагогам беспартийным — играли исключительно важную роль в политических чистках в вузах и научных учреждениях. Об этом рассказано во многих книгах.

В романе Каверина об этой замаскированной основе «очищения» научных учреждений от беспартийных ученых сказано так: «Были в институте и серьезные ученые, но работали они, закрыв глаза и уши и стараясь не замечать той, поистине фантастической чепухи, которую выдавали за науку . . . С открытыми глазами и ушами они не продержались бы в институте и полгода». (Курсив мой — Т. Ч.).

Руководители коммунистической партии постоянно говорили о «партийности философии и науки», о «единственно-правильной марксистской идеологии», «единственно-правильной коммунистической политике», о «непримиримой борьбе с враждебными идеологиями» и о «постоянной бдительности». А партийный сектор научных работников и вузовских преподавателей, в котором преобладали группы серой посредственности и тупого невежества, охотно и усердно проявили и «политическую бдительность» и «идеологическую непримиримость» по отношению к сектору беспартийных научных работников и преподавателей, как правило людей образованных, способных, самостоятельных и творчески мыслящих так общими усилиями руководителей партии и партийных научных работников вузы и научные учреждения от 1947 до 1955 года были «очищены» от беспартийных научных работников.

Одна часть этих «вычищенных» научных работников попала в лагеря или в ссылку (подобно тому, как туда попал изобретатель Лопатин из повести Дудинцева, десяток научных работников медицинского исследовательского института из романа Каверина и многие другие). О их судьбе в 1961 году напомнил Хрущев, рассказывая в одной своей речи о том, что советские научные работники отбывали срок своей

ссылки в Казахстане. («Франкфуртская Всеобщая газета» от 15 марта 1961 г., Франкфурт).

Другая часть «вычищенных» вузовских преподавателей и научных работников была уволена со службы с отрицательной политической характеристикой и оставлена на произвол судьбы.

Эти люди бедствовали без всяких средств на жизнь, не получая ни пенсии, ни пособий по безработице. Они были обречены на голодную смерть. Представителем такой категории научных работников является безработный изобретатель, старик-профессор Бусько (из Дудинцева), который зимой бедствовал, питаясь одним картофелем, а летом — находил случайный, временный заработок: ремонт крыш, разгрузка железнодорожных вагонов и т. п.

Так жестоко расправилась большевистская власть с беспартийным профессорско-преподавательским составом высшей школы и научных учреждений.

Эта грандиозная чистка была начата при Сталине и успешно закончена в период так называемого «либерализма» его наследников.

За послевоенные годы вузы и научные учреждения были полностью «коммунизированы», «очищены» от беспартийных преподавателей и научных работников и заполнены исключительно партийным персоналом.

В вузах же дореволюционной России научных работников обычно не стесняли в научной работе и преподавании своей науки.

Не стесняли даже преподавателей социально-исторических наук, так близко стоящих к политике. Поэтому в дореволюционной высшей школе свободно преподавали (даже такую близкую к политике научную дисциплину, как история России) историки самых различных политических мировоззрений: и историки-монархисты, и историки-либералы, и историки-социалисты, включая историка-большевика доцента М. Н. Покровского, который долгие годы перед революцией 1917 года преподавал русскую историю в Московском

университете, не скрывая своих марксистских, большевистских взглядов—ни историко-философских, ни политических.

Монополия партийного персонала и качество работы вузов

Коммунистическая партия считает абсолютную монополию коммунистов на науку своим большим достижением и хвалится этими «достижениями» в своем статистическом сборнике.

Но является ли такая «коммунизация» вузов, такая коммунистическая монополия на науку действительно достижением?

На самом деле изгнание беспартийных научных работников из советских вузов является глубоко порочным явлением, вредным прежде всего для дела научного образования, для подготовки специалистов и для народного образования вообще.

От 46% в 1947 году сектор беспартийных научных работников в советских вузах СССР был сокращен к 1955 году до 3%, то есть, уменьшился за восьмилетний период в 15 раз, дойдя почти до нуля¹⁰⁾.

Эта «чистка» советских вузов и научных учреждений от беспартийных научных работников и замена их партийцами сильно понизила качество научных и преподавательских кадров в Советском Союзе.

Беспартийные научные работники как правило являются более квалифицированными и более способными, чем коммунисты, даже в том случае, если обе эти категории получают одинаковую подготовку: 200 миллионов беспартийных жителей Советского Союза могут выдвинуть из своей среды больше научно-преподавательских талантов, чем 7 миллионов коммунистов.

Но также и подготовка к научной преподавательской работе у беспартийных научных работников была более высокой, чем у партийцев, которые их сменили. Все беспартийные научные работники прошли трехлетний курс аспи-

¹⁰⁾ Сборник «Культурное строительство СССР», стр. 248.

рантуры. А из коммунистов, которые их сменили, около половины аспирантуры не проходили.

За послевоенные годы, в связи с чисткой научно-преподавательского персонала в высших школах и научных учреждениях, происходил увеличенный набор в аспирантуру и усиленный выпуск окончивших аспирантуру. Об этом говорит следующая статистическая таблица, приведенная в статистическом ежегоднике за 1958 год:

Численность и выпуск аспирантов в Советском Союзе¹¹⁾

	1940 г.	1950 г.	1953 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Всего аспирантов (на конец года)	16863	21905	29162	29362	25495	22236	23084
Всего выпущено за год	1978	4093	6495	7607	8453	8250	6802

За послевоенные годы, годы «чистки» беспартийного научно-преподавательского персонала в вузах, число аспирантов возросло от 16863 в 1940 предвоенном году до 29362 аспирантов в 1955 году, завершающем году этой всеобщей послевоенной чистки, число аспирантов возросло почти в два раза. А ежегодный выпуск аспирантов за эти годы повысился от 1978 в 1940 году до 7607 аспирантов в 1955 году. По сравнению с довоенным периодом выпуск аспирантов в 1955 году увеличился почти в 4 раза, а по сравнению с 1950 годом — почти в два раза.

За период чистки вузов от 1950 до 1955 года, как видно из таблицы, в среднем ежегодно в Советском Союзе выпускали около 6 тысяч аспирантов.

Но эти усиленные наборы и выпуски аспирантов все же не могли поспевать за еще более грандиозным размахом чистки вузов от беспартийного научно-преподавательского персонала.

¹¹⁾ Статистический ежегодник «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 848.

Беспартийных вузовских преподавателей «вычищали» чудовищными темпами: за 8 лет (от 1947 до 1955 года) было вычищено 96 тысяч беспартийных научных работников, или ежегодно «вычищали» по 12 тысяч беспартийных преподавателей. На 12 тысяч свободных мест в вузах («вычищенных» беспартийных) из аспирантуры могли поступать ежегодно только около 6 тысяч окончивших аспирантуру. А остальных 6 тысяч научных работников ежегодно подбирали из числа партийцев, аспирантуры не проходивших (иногда не закончивших даже и высшей школы).

Так грандиозная политическая чистка, проведенная в высших школах СССР от 1947 до 1955 года, выбросила из высшей школы высококвалифицированных научных работников и преподавателей, и заменила их «надежными» политически, но неквалифицированными коммунистами. Проходила эта чистка в обстановке жестокого террора, о котором дают представление книги Дудинцева и Каверина.

Вытеснение из научных учреждений и вузов беспартийных талантливых творцов науки и техники — вроде профессора Бусько, изобретателя Лопаткина и др. — бездарностями с партбилетом, типа Фундатора, Тепикина и других персонажей книги Дудинцева — неизбежно приводит к снижению качества научной и преподавательской работы в вузах.

Об этих бездарных коммунистах в научных учреждениях и их борьбе против ненавистных им беспартийных талантов хорошо рассказано в книге Дудинцева «Не хлебом единым».

В книге приведена очень остроумная эпиграмма на одного такого бездарного научного работника:

«Нитудыкин, Нисюдыкин —
Кандидат наук Тепикин».

Подобные партийные бездарности из вузовских преподавателей вызывали у студентов всегда недоброжелательное отношение, злые насмешки, прозвища, эпиграммы. Вспоминаю одну из таких эпиграмм, которые ходили среди студентов вузов еще до войны. Она составлена в подражание эпиграмме Пушкина — «В Академии наук заседает князь Дундук».

И использует, кроме «князя Дундука», также другое нарицательное имя, «парттётя Мотя», — персонаж из комедии советского поэта Безыменского «Выстрел». Вот эта эпиграмма:

Князь Дундук и парттётя Мотя

В каждом университете,
В Академии наук —
Восседает князь Дундук,
Поучает тетя Мотя.

Почему же восседают
И за что такая честь?
Потому и заседают,
Что «отлично» могут... сесть.

Почему же поучают
И студентам докучают,
Хот аза́ в глаза не знают?
Партбилетом обладают —
Потому и поучают...

Теперь подобные коммунистические Дундуки, парттёти Моти и Нитудыкины-Нисюдыкины совершенно вытеснили из советских вузов и научных учреждений способных беспартийных работников и целиком заполонили вузы.

Бывший студент Московского института иностранных языков, одного из лучших высших учебных заведений СССР, так охарактеризовал преподавательский состав этого института в разговоре с туристом: хороших педагогов «только несколько». А в большинстве преподаватели такие: одна преподавательница — «неудачка»; другая — «тупица страшная»; третья — «жандарм в юбке»; четвертая — рассказчица на уроках сексуальных анекдотов¹²⁾.

Все эти охарактеризованные преподавательницы высшей школы — члены партии, даже руководители института: одна — секретарь партийной организации института, другие — бывший и теперешний директора института. Отношение сту-

¹²⁾ Газета «Новое Русское Слово» от 19 июля 1959 года, Нью Йорк, статья «Мой приятель Володя».

дентов к таким «педагогам» рассказчик охарактеризовал так: «Этих «педагогов» только по названию студенты презирают и ненавидят»¹³).

Будучи скованы «марксистским катехизисом», партийным контролем и заполнены Никудыкиными с партбилетами, — советские вузы все больше снижают качество работы.

Об этом в последние годы заговорила даже советская печать и вожди коммунизма.

В статье «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» Хрущев, указав недостатки вузов в комплектовании студентами и производственной практике, коснулся также недостатков в учебно-воспитательной работе советской высшей школы.

«В работе нашей высшей школы — сообщает статья — много и других недостатков: студенты чрезмерно перегружены обязательными занятиями и имеют мало времени для самостоятельной работы; преподавательский состав, среди которого много высококвалифицированных специалистов, слабо участвует в научной работе. Требуется значительного улучшения изучения общественных наук и постановка идейно-воспитательной работы. Перестройка системы высшего образования должна содействовать ликвидации и этих недостатков»¹⁴).

Постановка высшего образования в советских вузах теперь, после изгнания из советских вузов беспартийных научных работников и преподавателей и после установления полной коммунистической монополии на научно-преподавательскую работу в системе высшего образования, характеризуется так:

«... Преподавательский состав... слабо участвует в научной работе». А научная работа преподавателя высшей школы столь же важна, как и его преподавательская работа. Значит, половину своей работы — научную работу — вузовские преподаватели-партийцы ведут «слабо».

¹³) Там же.

¹⁴) Газета «Известия» от 21 сентября 1958 г., Москва

Свою преподавательскую работу преподаватели-партийцы тоже ведут слабо, в результате чего «требуется значительного улучшения изучения общественных наук и постановка идейно-воспитательной работы». Если преподавательская работа «требуется значительного улучшения», то это значит, что она стоит на «значительно» сниженном от нормального уровне.

Низкий уровень преподавательской работы в советских вузах характеризуется и тем, что «... студенты чрезмерно перегружены обязательными занятиями и имеют мало времени для самостоятельной работы».

Эту перегруженность студентов обязательными занятиями в вузе студент Московского университета в своем дневнике описал так: «У меня на неделе в среднем 40 часов лекций и семинаров. На семинарах мы обсуждаем темы прослушанных лекций...»

«Ужасно много работы. Мы все носимся согласно расписанию с лекций в библиотеку, из библиотеки на семинар, с семинара на комсомольское собрание. Я едва успеваю и отстаю в чтении». (учебников).

Вышеизложенные факты говорят о том, что изгнание беспартийных научных работников и преподавателей, которые по своей квалификации и деловым качествам стояли гораздо выше партийных кадров, — эта полная коммунизация всего научно-преподавательского состава высших школ привела к резкому снижению качества научной и преподавательской работы в советских вузах.

Описывая работу многих научных работников и научных учреждений в Советском Союзе, даже советские газеты вынуждены дать этой работе резко отрицательную характеристику.

Так, газета «Известия», центральный орган правительства, сообщает такие факты. В центральном институте по проектированию машин служат 12 докторов и 150 кандидатов технических наук. За 1958 год ни один из них не отчитался перед ученым советом о том, что же им сделано в разработке той научно-технической темы, над которой каждый из них работает. Некоторые из научных работников уже по

пяти лет разрабатывают свою тему, но и до сих пор не дали абсолютно никаких результатов. Подводя итоги работы научных учреждений, газета приходит к такому выводу: «Много таких ученых за многие годы не обогатили ни науку, ни производство ни единой светлой мыслью». И газета характеризует этих псевдо-научных работников, как «пустоцветы»¹⁵⁾.

В одном большом научно-исследовательском институте по машиностроению был обследован вопрос о том, почему этот институт, при огромном количестве научных сотрудников, за много лет не дал никакой научной продукции, не разрешил ни одной поставленной задачи. Оказалось, что из всех научных сотрудников этого технического института никто не имел специального — технического — образования. Там были люди с образованием агрономическим, биологическим, педагогическим, театральным, литературным, но в техническом институте не было сотрудников с техническим образованием. Поэтому все эти, пребывающие «на кормлении» в институте, неспециалисты обусловили полное отсутствие всякой научно-исследовательской работы и были охарактеризованы исследователем как «пустоцветики».

Газета «Правда», центральный орган коммунистической партии, летом 1959 года тоже поместила ряд статей о полном неблагополучии в вузах и научных учреждениях.

В одной статье квазинаучные эксперименты советской физиологической лаборатории (об охране . . . дневного сна свиней и об увеличении его продолжительности . . .) названы «исследованием на тему о выеденном яйце»¹⁶⁾.

Другая статья, подытоживая и анализируя бесплодную работу ряда научно-технических исследовательских учреждений и многих научных работников, квалифицировала эту работу, как «производство мыльных пузырей в науке»¹⁷⁾.

¹⁵⁾ Газета «Известия» от 5 июня 1959 г., Москва, статья «Пустоцветы».

¹⁶⁾ Газета «Правда», № 91 за 1959 год, статья «У тихой пристани».

¹⁷⁾ Газета «Правда» от 10 апреля 1959 года, статья «Производство мыльных пузырей в науке».

Один советский астроном в последнее время сделал ряд сенсационных заявлений о своих научных открытиях: о северном сиянии в атмосфере планеты Венеры и о современной вулканической деятельности на Луне. Но астрономы в других государствах, проверив эти заявления в своих обсерваториях, не нашли для них никаких подтверждений. Тот же астроном выдвинул новую теорию о первоначальных источниках энергии в Космосе. До сих пор была общепризнанной теория о том, что таким источником энергии является термоядерные реакции, происходящие на солнце и на всех прочих звездах, реакции, состоящие в превращении водорода в гелий и дающие огромное количество световой и тепловой энергии. Советский астроном, в противоположность этой теории, выдвинул свою, новую теорию, основанную на высказываниях классиков марксизма столетней давности: теорию о превращении времени в энергию. Многие советские газеты и журналы восторженно расхвалили эту теорию, как «неслыханное достижение передовой марксистской науки», которая «неизмеримо превосходит буржуазную антимарксистскую лженауку». Но Президиум Академии Наук Советского Союза отнесся к этому делу по-другому. На своем специальном заседании (21 ноября 1959 года) Президиум Академии принял резолюцию, в которой указал, что при проведении опытов, которыми пытались подтвердить теорию о превращении времени в энергию, были допущены грубые ошибки, обусловившие и ошибочные результаты. Президиум Академии Наук осудил такое несерьезное отношение некоторых научных работников к науке как «дешевую сенсацию». Три академика написали и опубликовали в газете «Правда» статью «Безответственная охота за сенсациями в советской науке». В этой статье академики пишут о том, что автор теории делает «невежественные ссылки на классиков марксизма», что опыты для подтверждения его теории «в высшей степени бездоказательны и неудовлетворительны по своим методам». А самую теорию о концентрации времени и превращении его в энергию академики охарактеризова-

ли так: «Мы видим здесь концентрацию не энергии, а простого невежества»¹⁸⁾).

Таким образом, на страницах центральных органов коммунистической печати — в газетах «Правда» и «Известия» — в 1959 году исследовательская работа институтов, лабораторий и обсерваторий в Советском Союзе охарактеризована очень ярко: «пустоцветы», «пустоцветики», «исследования о выведенном яйце», «производство мыльных пузырей в науке», «безответственная охота за сенсациями в советской науке», «концентрация невежества . . .»

Таковы «достижения» советских научно-исследовательских учреждений за последний период, когда из них были «вычищены» около сотни тысяч квалифицированных и талантливых научных работников и заменены невеждами с партбилетами.

Действительные достижения ученых в немногих научных учреждениях Советского Союза (ракетное дело, спутники и лунники, — на основе научных исследований и конкретных технических проектов талантливого ученого Циолковского; исследования физиологических лабораторий, работающих на основе гениальных трудов академика Павлова и под руководством его учеников, и некоторые другие) не могут компенсировать той неудовлетворительной работы, которая характерна для большинства научных учреждений и вузов в Советском Союзе.

О низком качестве вузовского преподавания говорит также тот факт, что посещение лекций во всех советских вузах до сих пор, через 43 года после революции 1917 года, является для всех студентов обязательным, принудительным.

За непосещение лекций и семинаров в советских вузах установлены драконовские наказания: лишение стипендии и исключение из вуза. Студент Московского Университета пишет об этом в своем дневнике: «В каждой группе выбирается один студент, следящий за посещаемостью лекций. На семинарах студентов проверяет профессор. Дисциплина очень строгая . . . Студент, пропустивший лекцию, должен принести

¹⁸⁾ Газета «Правда» от 22 ноября 1959 г., Москва.

справку от врача или от университетской клиники, или от того учреждения, где он был. За пропуск лекции без уважительной причины студент отвечает перед дисциплинарным комитетом своего факультета. Комитет составлен из представителей университета, партии, комсомола и той студенческой группы, куда входит обвиняемый. За три прогула студента могут исключить из университета. Если у него есть стипендия — а она есть почти у всех, — он лишается ее»^{18а)} (Курсив мой — Т. Ч.).

В дореволюционных вузах России (и во всех других странах мира) посещение лекций студентами является делом добровольным. И аудитории были полны слушателями. Таковы лекторы.

Но коммунистическая власть в СССР за четыре десятилетия не могла дать студентам даже такой элементарной академической свободы, как добровольное посещение лекций, несмотря на то, что студенты постоянно этой свободы требуют. Власть хорошо знает, что при добровольности посещения лекций — «кандидатам наук Никудыкиным» придется читать свои «лекции» в пустых аудиториях.

В первую очередь студенты прекратили бы посещение лекций по общественным наукам, по «марксистскому богословию». И таким образом, освободившись от потерь своего времени, от изучения вредной пропаганды, они использовали бы время на более основательное изучение своей специальности и значительно повысили бы свою учебную успеваемость, свою квалификацию.

Но освободить студентов от «большевистского катехизиса» коммунистическая власть не желает ни за какую цену.

Освободившись от «марксистского богословия», студенты захотят освободить науку и вузы от контроля «коммунистической инквизиции» и вообще всю культуру освободить от коммунистических кандалов.

^{18а)} Журнал «Свобода», № 3 за 1961 год, стр. 24, Мюнхен.

Предоставить хотя бы одну академическую свободу студентам коммунистическая власть не хочет. Она опасается того, что, получив одну академическую свободу, студенты захотят получить и другие академические свободы. Получив академические свободы, студенчество и интеллигенция вообще захотят получить свободу мысли и деятельности в области культуры и в политической жизни.

Монопартийная политическая диктатура опасается, что при этих условиях она не сможет сохранить свою власть.

IV.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТУДЕНЧЕСТВА

Партийная программа о высшем образовании

После Октябрьского переворота 1917 года большевистское правительство поставило задачу: вместо прежней, «буржуазной» и «мелкобуржуазной» интеллигенции, подготовить новую, пролетарскую, социалистическую интеллигенцию советских специалистов. Эта интеллигенция из рабоче-крестьянской среды, по замыслу вождей коммунизма, должна была стать верной опорой советского государства.

Партийная программа, принятая в 1919 году на VIII съезде коммунистической партии, об этой задаче и о путях ее выполнения говорит: «Открыть широкий доступ в высшую школу для всех желающих учиться, в первую очередь для рабочих». «Предоставить материальное обеспечение учащимся с тем, чтобы дать практическую возможность рабочим и крестьянам получить высшее образование».

Советское правительство ассигновало большие средства на стипендии и общежития для студентов.

В 1928 году среди всех студентов Советского Союза было 41% стипендиатов. А в 1938 году уже почти все студенты — 91% — получали государственную стипендию.

В 1938 году от 56% до 74% всех студентов в различных вузах были обеспечены государственными общежитиями¹⁾.

¹⁾ Сборник «Культурное строительство СССР», Госпланиздат, Москва, 1940 года, стр. 115.

Рабоче-крестьянский состав студенчества

После гражданской войны (1918—1921 годов) в Советской республике было открыто много высших школ. Обнаружилось еще одно препятствие на путях подготовки пролетарской интеллигенции. Людей с законченным средним образованием из рабоче-крестьянской среды было недостаточно.

Тогда Наркомпрос РСФСР и другие наркомпросы создали новый тип школы — рабочий факультет («рабфак»). Рабочие факультеты должны были готовить взрослых людей к высшей школе. Рабфаки давали законченное общее среднее образование. В эти школы принимали взрослых людей от 18 лет, имеющих начальное или незаконченное среднее образование. Диплом об окончании рабфака давал право поступления в вузы без экзаменов и в первую очередь.

Учащиеся рабфаков были обеспечены общежитием и стипендией.

В годы новой экономической политики средних общеобразовательных школ для подростков было мало. Поэтому основные контингенты для высших школ готовили рабфаки и техникумы (средние специальные школы).

Студенческие контингенты рабфаков росли быстро. С 1922 до 1934 года число учащихся в рабфаках СССР возросло от 38 тысяч до 340 тысяч человек²⁾, т. е. в 9 раз.

В 1934 году 40% всех принимаемых в высшие школы СССР составляли студенты, окончившие рабфаки³⁾.

Всячески поощряя поступление в вузы рабочих и крестьян, советское правительство в те годы в высшую школу не принимало лиц, происходящих из слоев, «социально чуждых» советской власти: дворянства, духовенства, торговцев, чиновников, богатых крестьян. Лиц из этих слоев населения

²⁾ М. Дейнеко — 40 лет народного образования в СССР, стр. 21-22.

³⁾ М. Дейнеко — 40 лет народного образования в СССР, стр. 21.

принимали в вузы только при том условии, если они уже состояли в партии или комсомоле.

Детей дореволюционной интеллигенции советская власть принимала тогда в вузы с нежеланием и большими ограничениями.

Таковыми мероприятиями был сильно изменен социальный состав студенческих контингентов в вузах СССР.

Советский статистический сборник дает сведения о социальном составе студенчества в дореволюционной России: «В 8-ми университетах и в 4-х основных высших технических учебных заведениях в царской России в 1914 году было среди студентов . . . 4-5% детей рабочих и крестьян»⁴⁾.

В советском сборнике указаны сведения только о 12 главных заведениях дореволюционной России из 105. В других учебных заведениях рабочекрестьянский сектор студенчества был гораздо больше. Следовательно, процент студентов рабоче-крестьянского происхождения во всех высших школах России в среднем был гораздо выше, чем указано в этом советском сборнике.

Но большинство студентов дореволюционных вузов происходило не из рабоче-крестьянской среды, а из других слоев населения: из чиновников, интеллигенции, духовенства, помещиков, торговцев.

За несколько лет после революции социальный состав студенческих контингентов в вузах СССР резко изменился. «. . . Среди учащихся вузов юноши и девушки из рабоче-крестьянской среды вскоре (после революции 1917 года. — Т. Ч.) составляли 50% учащихся университетов и 53% учащихся высших технических школ»⁵⁾.

Другая половина студентов советских вузов происходила из других слоев общества: это были дети партийно-советских чиновников, служащих, интеллигенции.

⁴⁾ Сборник «Культурное строительство Советского Союза», Госпланиздат, Москва, 1940 г., стр. 114.

⁵⁾ Там же, стр. 114.

Так за первый период советской власти рабоче-крестьянский сектор студенческих контингентов возрос до 53% и стал главным сектором советского студенчества.

Увеличение сектора детей чиновников и интеллигенции

В середине тридцатых годов социальный состав студенчества в СССР значительно изменился.

Испытывая нужду в средствах на индустриализацию и военную промышленность, советское правительство в эти годы сильно сократило стипендиальный фонд и выработало новые правила о стипендиях.

Стипендии стали выдавать теперь не всем студентам, как раньше, а только тем, которые имели по всем учебным предметам отличные или хорошие отметки.

В большинстве своем студенты имели, хотя бы по некоторым предметам, средние, удовлетворительные отметки. Все они были со стипендий сняты. Некоторые студенты даже обязаны были платить за право учения в вузе. Плата за право обучения в высших и старших классах средних школ была отменена только в 1956 году.

Судьба студентов, снятых со стипендии, была различна, в зависимости от материального положения их родителей. Большая часть этих студентов, снятых со стипендии, должна была покинуть высшую школу и перейти на работу. Другая часть этих студентов — меньшая, — которая имела обеспеченных родителей, продолжала учиться без стипендии, за счет своих родителей.

В связи с этими обстоятельствами, социальный состав студенчества значительно изменился. Сектор детей рабочих и крестьян, групп менее обеспеченных, среди студенчества сильно уменьшился. Сектор же детей чиновников и интеллигенции, групп более обеспеченных, значительно возрос. Такое положение сохранилось вплоть до самых последних лет.

Социальный состав современного студенчества советских вузов в 1958 году Хрущев охарактеризовал так: «... В выс-

ших учебных заведениях... мало детей рабочих и колхозников. В московских вузах, например, детей рабочих и колхозников учится всего 30-40 процентов. Остальные студенты — это дети служащих, интеллигенции... Число самих рабочих и колхозников, которые учились бы в высших учебных заведениях с отрывом от работы, составляет буквально единицы»⁶⁾).

Говоря о социальном составе современного студенчества, Хрущев намеренно не упомянул самую многочисленную группу: группу детей партийно-советских чиновников. Он растворил группу советских чиновников в других группах: служащих и интеллигенции. Но группа партийно-советских чиновников — руководителей всех предприятий, учреждений и организаций на территории СССР, — это такая группа, которую нельзя смешивать ни с группой служащих (счетоводов, машинисток, технических секретарей и т. д.), ни с группой интеллигенции. Этот слой «ответственных работников», «руководителей», слой коммунистических чиновников, является руководящим, монопольно властвующим, господствующим над всем населением и самым обеспеченным слоем в Советском Союзе. И поэтому студенты, дети чиновников, представляют собой тоже своеобразную группу в вузах.

Среди студенчества советских вузов руководящими являются две группы: партийцы и дети чиновников.

Этот сектор самый коммунистически-правоверный. Он является «партийным оком», наблюдающим за политическими настроениями всех студентов. В политических чистках студенчества этот сектор играет активную и самую неблагоприятную роль.

Партийно-комсомольский сектор студенчества

Коммунистическое правительство считало своей политической опорой в вузах студентов-коммунистов: партийцев и комсомольцев.

⁶⁾ Газета «Известия» от 21 сентября 1958 года, Москва.

Поэтому во время приема в вузы неизменно оказывалось преимущество коммунистам перед беспартийными.

В результате этого еще до Германо-Советской войны состав студенчества стал наполовину коммунистическим. Статистические сведения о партийно-политическом составе студенчества не опубликованы. Но на основании широких личных наблюдений можно с вероятным приближением этот состав определить так: около половины студентов были беспартийные; другая половина — коммунисты: около 10% членов и кандидатов партии и около 40% комсомольцев.

После Германо-Советской войны давление на учащихся средней школы с той целью, чтобы они вступали в комсомол, усилилось.

Один француз, проживший в Советском Союзе 11 лет (от 1934 до 1954 года) после возвращения на родину написал и опубликовал книгу «Одиннадцать лет в раю». По вопросу об условиях приема в вузы в послевоенные годы он пишет: «Все молодые люди и девушки должны теперь вступать в комсомол. Для некоммунистов двери высших учебных заведений закрыты»⁷⁾.

Из-за такого отношения к некоммунистической молодежи, студентов-некоммунистов в советских вузах осталось очень мало.

Главную массу студенческих контингентов составляют теперь комсомольцы.

Партийцы же в составе студентов, если судить по материалам об отдельных вузах (например, о Московском Государственном Университете и других), составляют по-прежнему очень незначительный сектор: около 10%.

Советская печать часто сетует на то, что среди студентов очень мало партийцев.

Что же касается огромного большинства студенческих контингентов — комсомольцев, — то партия и коммунистическая печать теперь расценивают их как ненадежную политическую опору коммунизма.

⁷⁾ Жан Никола — Одиннадцать лет в раю. (1943 — 1954).

К этому заключению руководители партии и правительства пришли на основе анализа политического поведения студенчества за весь период советской власти, а в особенности за последнее десятилетие. Вузовские партийные организации, обычно, не росли. Сколько было партийцев среди поступавших в вуз, столько же их оставалось и при выпуске.

Комсомольцы партийную организацию в высших школах не пополняли, в партию обычно не вступали.

Они не вступали в партию потому, что не желали быть членами этой партии.

Коммунистической властью в Советском Союзе недовольны все слои населения, за исключением членов коммунистической партии, господствующего сословия — советско-партийного чиновничества. Недовольны колхозники, рабочие, низшие служащие и интеллигенция. Большинство студенчества, происходящее из рядов этих угнетенных коммунистическим правительством слоев населения, отражает политические мнения и настроения своих родителей, т. е. всех слоев населения.

Кроме того, в последние годы к этому еще прибавилось острое недовольство школьными реформами советского правительства, реформами, которые создают очень неблагоприятные условия для образования в средней и высшей школах.

В средней школе учащиеся вступали в комсомол в большинстве своем вынужденно: чтобы облегчить себе поступление в вуз. Одна комсомолка об этом откровенно заявила: «Я поступила в комсомол только потому, что так делают другие: комсомольцу легче поступить в вуз»^{7а)}

А в вузе они от этих вынуждающих обстоятельств освобождались. В высшей школе поступившие в нее комсомольцы учились. Они получали специальность и считали ее достаточной для того, чтобы иметь работу и зарплату по специальности, не нуждаясь в дополнительных документах, вроде комсомольского или партийного билета.

^{7а)} «Комсомольская правда» от 16 февр. 1961 г.

Комсомольцы, обычно, выбывали из комсомола механически: как «переростки». В партию они не вступали ни в вузе, ни после его окончания, на работе.

Так студенты-комсомольцы в своем большинстве проявляли свою отчужденность от коммунистической партии тем, что не вступали в ее ряды.

Но после смерти Сталина, в период антикоммунистических восстаний в Берлине, Венгрии и Польше (от 1953 до 1956 года) большинство студенческой молодежи, в том числе и большинство комсомольской молодежи, проявило себя по отношению к советскому правительству и ЦК партии силой активно-оппозиционной, а нередко и враждебной, антикоммунистической.

Во время публичного обсуждения книги В. Дудинцева «Не хлебом единым» в Московском университете студенты публично, на собрании, характеризовали советскую литературу, как «литературу великой лжи». А книгу Дудинцева, которую диктатор советского государства Хрущев назвал «клеветой на советскую власть», студенты в своих выступлениях характеризовали, как «начало литературы великой правды».

Во время антикоммунистических восстаний в Восточной Германии, в Польше и Венгрии группы студентов в советских вузах распространяли антисоветские листовки. Об этом есть упоминания даже в газете «Правда»⁸).

От 7 до 11 марта 1956 г. студенты и рабочие устроили в Тифлисе антикоммунистическую демонстрацию, направленную против коммунизма, против коммунистической тирании, против сталинских наследников, за отставку сталинских наследников и за выборную народную власть.

По приказу ЦК партии и советского правительства мирная антиправительственная демонстрация в Тифлисе была разгромлена войсками КГБ (Комитета государственной безо-

⁸) Газета «Правда» от 7 сентября 1959 г., Москва, статья Льва Шейнина.

пасности). При этом было убито более 100 человек, а потом сослано от 1000 до 2000 студентов^{8а)}).

За оппозиционно-критические выступления и антисоветскую пропаганду многие тысячи студентов были исключены из вузов Советского Союза.

Политическая чистка студенчества

В этот период, начиная с 1953 года, ЦК коммунистической партии и советское правительство проводили широкую политическую чистку среди студенчества, очищая вузы от политически неблагонадежных студентов.

В «Комсомольской правде», было упоминание о том, что из вузов Ленинграда только за один 1957-й год за оппозиционные настроения было исключено 4.300 студентов⁹⁾).

Таблица выпуска специалистов, окончивших дневные отделения вузов за период от 1952 до 1957 года, показывает, что процент этого выпуска неуклонно, год за годом, падал.

Это падение могло зависеть от состояния учебного дела в вузах. Но таблица показывает, что процент выпуска студентов по отношению к числу принятых от 1950-го до 1952 года возрос от 84% до 91%. Это объясняется, конечно, тем, что за послевоенные годы организация учебного дела в вузах налаживалась, что в вузы стали поступать люди со школьной скамьи, а не после многолетнего перерыва в учении в военные годы.

Но вот с 1952 года процент выпуска студентов (по отношению к числу принятых) начинает падать. Это падение совершается неуклонно, ежегодно от 1952 до 1957 года.

Можно предположить, что падение выпуска за эти годы объясняется тем, что за это время было вычищено из вузов около 100 тысяч хороших беспартийных преподавателей, которые были заменены преподавателями партийными — среднего и плохого качества. Качество преподавания после

^{8а)} Еженедельник «Посев», от 12 февраля 1961 г., Франкфурт/М.

⁹⁾ Еженедельник «Посев», от 20 ноября 1960 года.

этой чистки понизилось. Но на проценте выпуска это едва ли отразилось. Как правило, лучшие педагоги хорошо преподают, но и строго спрашивают, не ставят завышенных отметок. А плохие преподаватели, с целью показать себя перед администрацией и партией с хорошей стороны, не ставят студентам много плохих отметок и официально не снижают уровень успеваемости своих студентов.

Остается единственное объяснение для этого необычного снижения выпуска студентов. Многие студенты в этот период были исключены из вузов не из-за учебно-академических причин (неуспеваемости), а по мотивам политической неблагонадежности, причем расправа с политически неблагонадежными студентами продолжалась все эти годы — от 1952 до 1957 года. И поэтому падение выпуска специалистов из вузов продолжалось весь этот период.

Рассмотрим внимательно эту таблицу. Процент выпуска из вузов специалистов вычислен по отношению числа выпущенных специалистов к числу студентов, принятых в вузы за пять лет перед выпуском. Пятилетний срок взят потому, что этот срок обучения установлен в огромном большинстве советских вузов.

На дневных отделениях всех вузов СССР было выпущено:

В 1952 году	91 ⁰ / ₀ принятых
В 1953 " "	89 ⁰ / ₀ " "
В 1954 " "	83 ⁰ / ₀ " "
В 1955 " "	77 ⁰ / ₀ " "
В 1956 " "	73 ⁰ / ₀ " "
В 1957 " "	72 ⁰ / ₀ " "
В 1958 " "	75 ⁰ / ₀ " ¹⁰⁾

¹⁰⁾ Источники:

а) «Культурное строительство СССР», стр. 203.

б) «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 235-238.

За весь этот период от 1952 до 1957 года процент выпуска специалистов неуклонно, год за годом, падал. Но в 1958 году падение приостановилось и произошел небольшой подъем процента выпущенных.

Почему такое резкое падение процента выпуска студентов проявилось именно в эти годы? Этот период был периодом больших и бурных политических событий в коммунистической империи. События эти вызвали резко различную оценку со стороны народа и со стороны кремлевских властителей. За этот период произошли такие события: смерть Сталина, борьба за верховную власть в государстве; дискуссии о «культе личности» и отношении к сталинскому наследию, об «оттепели» и «ревизионизме»; антикоммунистические демонстрации, забастовки и восстания в Советском Союзе (в Тифлисе, на Воркуте, в Подольске, Киеве, в Москве и других местах). За этот период произошли восстания в странах-сателлитах: в Восточной Германии, в Польше, в Венгрии.

Во всех больших политических событиях этого периода и в их обсуждении студенческая молодежь принимала самое активное участие. Причем, в своем большинстве студенчество советских вузов по отношению к партийному руководству и советскому правительству было настроено критически, оппозиционно или даже совершенно враждебно.

За это активное участие в политической жизни не на стороне правительства, а против него, студенчество дорого заплатило.

Как показывает вышеприведенная таблица, процент выпуска специалистов от 1952 до 1957 года ежегодно падал и снизился от 91% до 72%. «Отсев» студентов из вузов (с дневных отделений) за этот период повысился от 9% до 28%, или на 19%, по сравнению с нормальным процентом «отсева» студентов из-за неуспеваемости. Увеличение «отсева» произошло за счет исключения из высшей школы политически неблагонадежных студентов.

Этот «политический отсев» по своему характеру совершенно отличен от «академического отсева».

Для большей ясности представим этот сверхнормальный «политический отсев» не в процентах, а в абсолютных числах.

За период от 1952 до 1958 года средний ежегодный выпуск специалистов из вузов равнялся 180 тысячам человек. 1% этого ежегодного выпуска составляет 1,8 тысячи студентов.

В 1952 году нормальный процент «академического отсева» равнялся 9%.

В 1953 году к этому нормальному «академическому отсеvu» прибавился «политический отсев».

В 1953 году было исключено из вузов по политическим мотивам 2%, или 3,6 тысячи студентов.

В 1954 году «политический отсев» равнялся 8%, или 14,4 тысячи студентов.

В 1955 году — 14%, или 25,2 тысячи студентов.

В 1956 году — 18%, или 32,4 тысячи студентов.

В 1957 году — 19%, или 34,2 тысячи студентов.

В 1958 году из вузов было исключено по политическим мотивам 16%, или 28,8 тысячи студентов.

Таким образом, по этим статистическим данным, за период от 1952 до 1958 года, за шестилетний период, из высших учебных заведений Советского Союза было всего исключено по мотивам политической неблагонадежности 138,6 тысячи студентов.

Как показывает таблица, впервые после 1953 года только в 1958 году по политическим мотивам исключено студентов меньше, чем в предыдущем году: в 1957 году было исключено 34 тысячи студентов, а в 1958 году — 29 тысяч.

Это уменьшение числа студентов, исключенных по политическим мотивам в 1958 году, объясняется, по всей вероятности, двумя обстоятельствами.

Во-первых, путем чисток и политического регулирования приема среди студенчества сектор лояльных к коммунистической власти студентов в вузах СССР за последние годы увеличился, а оппозиционный сектор студенчества уменьшился.

Во-вторых, наученные тяжелым опытом политических чисток в период послесталинского руководства, оппозиционно настроенные студенты стали более осторожными в своих высказываниях и действиях. Они лучше замаскировались в целях самозащиты от деспотической власти.

Новые правила приема студентов в вузы.

Для того, чтобы иметь преданные коммунистической партии студенческие контингенты, а впоследствии — кадры специалистов, — нельзя ограничиться только политической чисткой среди студенчества. Необходимо было так организовать набор в вузах, чтобы из принятых в вузы новичков не было политически неблагонадежных, чтобы весь набор состоял из преданных партии людей.

С этой целью руководители коммунистической партии и советского правительства провели ряд мероприятий.

Во-первых, для того, чтобы приобрести право поступления на дневные отделения вузов (на которых теперь учится около половины всех студентов), выпускники средних школ должны предварительно проработать на предприятии, в колхозе или учреждении не менее двух лет.

Во-вторых, для поступления в высшую школу (на любое из отделений: на дневное, вечернее или заочное) обязательно требуется рекомендация местных общественно-политических организаций: партийных, профсоюзных и комсомольских.

В-третьих, если раньше вопрос о приеме студентов в вузы решали преподаватели-экзаменаторы и директор высшей школы, то в последние годы введено новое правило: вопрос о приеме студентов решает дирекция института совместно с представителями партийных, профсоюзных и комсомольских организаций вуза.

Осуществляя все эти мероприятия, коммунистическое правительство СССР преследует одну цель: набрать в вузы только студентов, преданных коммунистической партии и правительству, не допускать туда людей инакомыслящих,

политически неблагонадежных или стоящих в стороне от коммунистической политики.

Для этой цели прежде всего нужна проверка каждого кандидата в студенты на производстве и на общественно-политической работе. Об этом ясно говорится в статье Хрущева о реформе образования в Советском Союзе: «В высшие учебные заведения следует принимать молодежь, уже имеющую жизненный опыт, стаж практической работы... Здесь должно учитываться не только одно желание поступающего в вуз, но и оценка его деятельности общественными организациями (профсоюзом, комсомолом), чтобы отбор был и по подготовленности, и по склонности, и по уверенности, что этот человек оправдает произведенные на него затраты, что он может быть действительно полезным руководителем производства»¹¹).

Требование двухлетнего стажа практической работы при поступлении в высшую школу имеет в виду ту цель, чтобы каждый кандидат в студенты хорошо зарекомендовал себя с политической стороны перед местными организациями, которые должны дать ему рекомендацию для поступления в вуз.

Прежде, когда вопрос о приеме в высшую школу решали преподаватели-экзаменаторы и дирекция вуза, главным требованием к поступающему было требование о высоком уровне его знаний, о деловых качествах будущего специалиста.

А теперь, когда вопрос о приеме в вуз зависит от рекомендации местных партийно-комсомольских организаций и от решения партийно-комсомольских представителей в приемной комиссии вуза, — главными требованиями являются политические требования: коммунистическая идеология, степень преданности коммунистической партии, проявленная на производстве или общественно-политической работе и удостоверенная рекомендациями местных партийно-комсомольских организаций.

¹¹) Газета «Известия» от 21 сентября 1958 года, Москва.

Новые правила о стипендиях

В соответствии с новыми задачами коммунистического правительства — набрать в вузы преданных коммунизму людей — правила о стипендиях для студентов тоже пересмотрены.

Прежде студент лишался права пользоваться стипендией только тогда, когда он, вместо отличных и хороших отметок, получал удовлетворительную или плохую.

Новые правила о стипендиях, введенные в вузах с 1956 года, предоставляют право директорам вузов и техникумов лишать стипендии студентов, «нарушающих трудовую дисциплину»¹²⁾. Под эту категорию часто подводят студентов критически-мыслящих и проявляющих деятельность, неугодную коммунистической администрации.

В Нежинском техникуме сельско-хозяйственной механизации, например, приказом дирекции сняты со стипендии 17 студентов. Один за то, что в ответ на распоряжение директора о выходе на работу на учебном участке, задал вопрос: «До сдачи дипломных проектов осталось две недели. Мы недавно вернулись с практики и теперь приходится заниматься ночами. Стоит ли пятикурсников отрывать от учебы?»

Директор-самодур «ответил» студенту так: в приказе объявил строгий выговор с предупреждением «за вступление в пререкание», поставил «3» за поведение и снял студента со стипендии за месяц до выпускных экзаменов.

Другой студент был снят со стипендии за то, что задавал преподавателю экономики сельского хозяйства неприятные вопросы о колхозной экономике: «Почему в колхозе кукуруза осталась под снегом? Почему колхозные коровники стоят раскрытые? . . .»

Третий студент лишился стипендии тоже за «вопросы всякие, выкрики и нездоровые настроения»^{12а)}.

¹²⁾ М. Дейнеко — 40 лет образования в СССР, стр. 272.

^{12а)} «Комсомольская правда» от 29 января 1961 года.

Для того, чтобы в вузах могли учиться коммунисты со средними способностями и не имеющие материальных средств для учения без стипендии, — новые правила о стипендиях дополнены специальным параграфом: стипендия может быть предоставлена не только студентам, которые имеют отличные и хорошие отметки, но также и тем студентам, которые имеют удовлетворительные (средние) оценки.

Решения о стипендиях для студентов выносятся директором высшей школы совместно с общественными организациями вузов: партийных, профессиональных, комсомольских¹³).

Так в Советском Союзе даже стипендии для студентов используются в качестве политического орудия: или для поддержания студентов политически благонадежных, механически зазубривающих коммунистический катехизис, беспрекословных молчаливых; или для расправы со студентами самостоятельно, критически мыслящими и сознательно действующими.

Академические и политические качества студенчества.

От 1935 до 1956 года в Советском Союзе были иные правила о приеме в вузы и о стипендиях. Это были такие правила, которые поощряли только наиболее одаренных, хорошо успевающих студентов.

В вузы принимали лиц, которые на конкурсном экзамене показали наилучшие успехи.

Учащиеся, окончившие среднюю школу с золотой и серебряной медалью (за отличные и хорошие успехи в ученье), принимались в вузы без конкурсных экзаменов и вне очереди.

Стипендии в вузах получали только студенты, которые имели отличные и хорошие отметки.

Основное качество, которое оценивалось у студентов выше всего, это общая одаренность студента, его способ-

¹³) М. Дейнеко — 40 лет образования в СССР, стр. 272.

ности и умение хорошо учиться, его деловые качества, как будущего специалиста.

А теперь коммунистические вожди не придают большого значения этому качеству студентов. Медалисты-отличники лишены всяких льгот при поступлении в вузы.

При приеме студентов и при назначении стипендий принимаются во внимание прежде всего политические добродетели студента: коммунистическая идеология, «преданность коммунизму», «политическая сознательность и дисциплинированность», то есть, беспрекословное повиновение коммунистическому руководству, начиная от вождей партии и кончая секретарем вузовской партийной организации.

При этих новых правилах в вузы будут поступать гораздо больше членов партии и детей коммунистических чиновников, то есть, таких студентов, которые имеют прекрасные политические характеристики и рекомендации, но средние или даже низкие способности к учению. И наоборот: многие способные юноши и девушки останутся вне высшей школы, потому что имеют только высокие способности, но не имеют партийно-комсомольских рекомендаций.

Из-за этого будет снижаться качество учения в высшей школе и качество советских специалистов, выпускаемых из школы.

В Советском Союзе теперь сложилась такая ситуация: в высшую школу может поступить только 1/3 выпускников средних школ; на дневные отделения вузов — только 1/6 часть выпускников.

При этих обстоятельствах советские вузы могли бы быть заполнены самыми способными выпускниками средних школ. И качество учения и деловые качества выпускаемых специалистов могли бы быть сильно повышены, при условии поощрения наиболее способных студентов.

Но руководители коммунистического правительства в Советском Союзе взяли другой, совершенно противоположный, курс в области высшего образования. Это курс на очищение вузов от одаренной студенческой молодежи, если она проявляет самостоятельность политического мышления и

независимость поведения. Это курс на поощрение коммунистов (партийцев и детей чиновников), студентов со средними способностями, но с большой преданностью партии и правительству.

Эта новая линия коммунистического руководства противоречит не только государственным интересам, но и прежним партийным решениям. Одна из директив коммунистической партии о высшем образовании требует:

«Идеал это равное и возможно более высокое образование для всех граждан. До тех пор, пока он не осуществлен для всех, естественный переход по всем ступеням обучения вплоть до университета — переход на высшую ступень должен быть поставлен в зависимость исключительно от дарований ученика и вне всякой зависимости от зажиточности его семьи»¹⁴).

Чем вызвана новая линия коммунистической партии в вопросах высшего образования? Она вызвана прежде всего личными интересами коммунистического чиновничества. Хорошо успевающие выпускники средних школ оказывали серьезную конкуренцию детям чиновников и партийцам, которые поступали в высшую школу, имея, в своем большинстве, средние отметки. Хрущевская реформа высшей школы выдвигает на первый план поощрение тех групп студенчества, которое ближе всего партийному руководству: членов партии и детей чиновников.

Эти привилегированные группы — дети чиновников и члены партии — имеют возможность обходить закон об обязательном двухлетнем производственном стаже при поступлении в вузы. Родители-чиновники снабжают своих детей сами или через знакомых, других чиновников, фиктивными справками о двухлетнем производственном стаже.

Дети коммунистических чиновников и партийцы легко достают от местных партийно-комсомольских организаций

¹⁴) «Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании за 1917-1947 годы», выпуск I, Москва-Ленинград, Академия Педагогических наук РСФСР, 1947 г., стр. 10.

хвалебные отзывы и рекомендации. Минуя работу на производстве, обладая похвальными политическими рекомендациями, они легко поступают на дневные отделения вузов, при содействии приемных комиссий, которые тоже состоят из членов партии.

Теперь советским предприятиям и учреждениям дано право посылать на учение в вузы своих кандидатов, с предоставлением им стипендии. Каждый колхоз, совхоз, фабрика могут посылать в высшие школы своих кандидатов, выплачивать им стипендию и после окончания учения забирать их на работу к себе. Ясно, что в число этих кандидатов будут попадать не дети рядовых колхозников и рабочих, а дети начальников предприятий и колхозов.

Советская печать теперь описывает многочисленные случаи «поступления в вуз с черного хода», то есть, в обход законов самого же советского правительства.

Чаще всего это поступление в высшую школу в обход законов совершается за крупную взятку: авторам фиктивных справок, экзаменаторам, членам приемных комиссий. В газетных заметках, описывающих такие случаи, указываются размеры взяток: от 6.000 до 30.000 рублей (старых). Эта взятка равняется годовому или даже пятигодичному окладу среднего рабочего. Такая взятка посильна только для верхушки советской социальной пирамиды.

Поступление в вуз становится сословной привилегией коммунистического правящего и очень богатого слоя...

А дети рядовых людей, выпускники средних школ, имеющие отличные и хорошие отметки, даже медалисты, обязаны два года работать на производстве, чтобы заработать производственный стаж и рекомендацию. Без рекомендаций от партийно-комсомольских организаций лучшие учащиеся выпускники не могут попасть даже на вечерние и заочные отделения. Раньше на вечерние и заочные отделения вузов принимали всех желающих. А теперь прием даже на вечерне-заочные отделения тоже зависит от рекомендаций партийно-комсомольских организаций.

Новая линия коммунистического руководства в области высшего образования состоит в том, что она нагромождает всевозможные препятствия для способных беспартийных учащихся на их пути к высшей школе, но широко открывает двери вузов для малоспособных членов партии и детей чиновников.

Этот новый курс коммунистического правительства зиждется на двух формулах. На формуле грибоедовского Фамусова: «Порадеть родному человечку . . .» И на формуле Демьяна Бедного, выдвинутой им на съезде писателей в защиту неодаренных, «пролетарских писателей», коммунистов: «Хоть сопливенькие, да наши . . .»

Новый курс соответствует прежде всего личным интересам коммунистического чиновничества и привилегированных групп студенчества: партийцев и детей чиновников. Теперь дневные отделения высших школ будут в гораздо большей мере заполняться именно этими категориями студентов.

Хрущевская реформа в вузах и новые порядки в них вредны для большинства учащейся молодежи, для родителей, простых людей, для народа, потому что эти порядки мешают большинству выпускников попасть в высшую школу и ухудшают качество студенческих контингентов будущих специалистов.

Но эта реформа всецело соответствует узким партийно-политическим интересам коммунистического чиновничества, как господствующего сословия. Она закрывает двери вузов перед большинством беспартийных студентов, политически неблагонадежных с точки зрения коммунистической власти. Зато реформа широко открывает высшую школу перед теми группами студентов, которые по своему привилегированному положению в советском обществе являются опорой коммунистической власти в вузах: студентов-партийцев и детей чиновников.

Таким образом коммунистическое правительство стремится превратить высшие школы из очагов критики и недовольства властью в надежную опору советской власти.

Коммунизация интеллигенции

Но коммунистическая власть в Советском Союзе имеет при этом в виду разрешить вопрос не только о студенчестве, но и обо всей интеллигенции, которая формируется из студенчества. Коммунизируя студенческие контингенты, советская власть тем самым осуществляет свой более широкий и более далекий план: коммунизировать всю интеллигенцию Советского Союза.

Коммунистическая власть полностью коммунизировала привилегированные слои населения: слой государственных чиновников, руководителей предприятий и всех организаций; офицерство.

Власть коммунизировала ряд секторов интеллигенции: журналистов и писателей, научных работников и вузовских преподавателей.

Но другие секторы интеллигенции — учителя, агрономы, инженеры, врачи и т. д. — в своем большинстве остаются еще беспартийными.

Теперь большевистское правительство выработало план: коммунизировать студенчество, а через него — коммунизировать всю интеллигенцию, которая из студенчества выходит. А коммунизированная интеллигенция должна стать прочной опорой коммунистического правительства.

Теперь, когда только один из трех выпускников средних школ может поступить в высшую школу, у коммунистического правительства есть сильное орудие политического давления на учащуюся молодежь, чтобы загнать ее в коммунистическую партию.

Ближайшие годы покажут, удастся ли коммунистическому правительству осуществить его большой политический план: через коммунизацию студенчества — коммунизировать всю интеллигенцию, все кадры советских специалистов.

Снижение академического студенчества

Отрицательные результаты хрущевской реформы высшего образования были выявлены в 1959—1960 учебном году

не только на заочно-вечерних, но и на дневных отделениях вузов.

О низком уровне знаний и о неумении самостоятельно учиться студентов пореформенного приема (1959 года) писал министр высшего образования СССР летом 1960 года в «Учительской газете».

Студенты этого приема, по данным экзаменаторов и вузовских профессоров, «слабо владеют вычислительными навыками» и обладают «невысокой культурой труда».

Студенты не умеют «анализировать, обобщать материалы»; «используют лишь тексты лекций и почти не заглядывают в учебники». Они «испытывают большие затруднения, когда им приходится самостоятельно заниматься по нескольким литературным источникам, конспектировать статьи».

Они не обладают «зрелостью мысли, самостоятельностью в суждениях».

Такой низкий уровень общеобразовательной подготовки и академических способностей студентов приема 1959 года вынудил вузы первый год посвятить общеобразовательной подготовке студентов.

Министр высшего образования пишет об этом: «Опыт показывает, что таким студентам трудно заниматься в высшей школе и они не идут обычно дальше запоминаемого материала, записанного на лекции. Готовясь к экзаменам, они используют лишь тексты лекций и почти не заглядывают в учебники». «Все это приводит к тому, что значительная часть учебной работы средней школы, по существу, выполняется затем в высшей, так как вуз в ряде случаев не в состоянии начинать учебные занятия по своей программе».

Министр высшего образования вину за такое низкое качество студенческих контингентов приема 1959 года возлагает на среднюю школу и заключает свою статью так: «Положение, нам думается, следует коренным образом изменить. В средней общеобразовательной школе нужно не только полностью проходить учебную программу, но и давать ученикам такие навыки самостоятельной работы,

которые необходимы им для продолжения образования». («Учительская газета» от 30 июля 1960 года).

Конечно, за последние годы, после того, как в школах среднего образования стали проводить мероприятия по «связи школы с жизнью, с производством», — школы снизили качество подготовки абитуриентов. Учащиеся во всех средних школах, а особенно в вечерних, должны теперь много времени и сил посвящать производственному труду и гораздо меньше времени и внимания могут уделять общему образованию.

Но к этим отрицательным воздействиям реформированной средней школы присоединяются еще и воздействия новых законов о высшей школе.

Выпускники-медалисты, самая лучшая категория студентов в прошлом, вместо того, чтобы поступить без экзаменов в вузы, должны теперь идти на производство, чтобы заработать двухлетний производственный стаж, необходимый для поступления в вуз.

Выпускники, заработавшие двухлетний стаж производственного труда, сильно снижают уровень своих знаний из-за этого двухлетнего перерыва в учебных занятиях: они многое забывают из своих школьных знаний.

Что касается комсомольских руководителей, партийцев и детей чиновников, то они часто избегают необходимости зарабатывать себе двухлетний рабочий стаж, добывая себе по знакомству фиктивные справки об этом.

Эти же категории выпускников легко добывают себе политические рекомендации от партийно-комсомольских организаций, рекомендации, которые равнозначны командировке в вуз.

Но эта категория выпускников — основной контингент дневных отделений вузов — к категории лучших учеников обычно не принадлежит.

Препятствия при экзаменах эта привилегированная категория нередко преодолевает с помощью «блата» и взятки. Об этом советская печать пишет очень часто.

Из-за всех этих причин, вызванных неудачной хрущевской реформой средних и высших школ, уровень академических

качеств студенчества приема 1959 года резко снизился по сравнению с предыдущими приемами.

Несомненно, что это снижение академического уровня студенчества будет продолжаться и дальше, по мере осуществления реформы средней и высшей школы, и приведет к снижению деловых качеств специалистов, выпускаемых вузами.

Удастся ли большевистскому правительству коммунизировать студенческие контингенты, а через них и всю интеллигенцию, всех специалистов в СССР, и создать из интеллигенции опору коммунистического государства, — это покажет будущее.

Но что хрущевские школьные реформы неминуемо приводят к снижению академических качеств студентов, к снижению деловых качеств специалистов, — это уже выявлено и в настоящий период.

О Г Л А В Л Е Н И Е

I СЕТЬ ВЫСШИХ ШКОЛ И СТУДЕНЧЕСКИЕ КОНТИНГЕНТЫ

Развитие сети высших школ в СССР	5
Сеть высших школ в дореволюционной России	11
Студенческие контингенты в СССР	14
Рост студенческих контингентов в дореволюционной России	15
Высшее образование в СССР, в дореволюционной России и в Америке	17

II ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ

Выпуск специалистов из высших школ Советского Союза	20
Средний уровень учебной успеваемости	22
Перегрузка учебного плана политическими дисциплинами	23
Трудности заочно-вечернего образования	26
Перевод большинства студентов на заочное и вечернее обучение	30
Производственная практика студентов в советских вузах	37
Идейно-политическая подготовка студенчества	39

III ПАРТИЙНАЯ МОНОПОЛИЯ НА НАУЧНО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКУЮ РАБОТУ В ВУЗАХ

Коммунистическая партия о задачах школы	44
Монополия коммунистической идеологии и политики	45
Чистка вузов от беспартийных преподавателей	49
Монополия партийного персонала и качество работы вузов	55

VI СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТУДЕНЧЕСТВА

Партийная программа о высшем образовании	66
Рабоче-крестьянский состав студенчества	67
Увеличение сектора детей чиновников и интеллигенции	69
Партийно-комсомольский сектор студенчества	70
Политическая чистка студенчества	74
Новые правила приема студентов в вузы	78
Новые правила о стипендиях	80
Академические и политические качества студенчества	81
Коммунизация интеллигенции	86
Снижение академического уровня студенчества	86